
2017

ISSN 1987 – 5533

UDK (удк) – 34+32.001

II-658

L – 41

International scientific journal

LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал

ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 35

Chisinau

MAY - 2017

Supreme Council on Science and Technological Development of the Academy of Sciences of Moldova and the National Council for Accreditation and Attestation of Moldova, recognized „Law and Politology” as a journal in law, political science,

making part of „B” scientific journal (Decision no. 151 of 21 July 2014).

The journal „Law and Politology” is the periodical-scientific edition of the following academic partners

INSTITUTE OF LEGAL AND POLITICAL RESEARCH OF ACADEMY OF SCIENCES OF MOLDOVA

GELATI ACADEMY OF SCIENCES (GEORGIA)

INSTITUTE ON HUMAN RIGHTS OF THE NATIONAL

ACADEMY OF SCIENCES OF AZERBAIJAN

THE INSTITUTE OF LEGISLATIVE CREATION AND COMPARATIVE LAW MOLDOVA

EDITORIAL BOARD

Mariam Tsatsanashvili - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Georgia**)
Ion Guceac - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Republic of Moldova**)
Kamal Makili-Aliyev - doctor of Legal Sciences - co-chairman of editorial board (**Republic of Azerbaijan**)
Guram Markhulia - PhD, doctor of History, ass. Professor (**Georgia**)
Namig Aliyev - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Hijran Huseynova - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Ayten Mustafaeva - doctor of Legal Sciences (**Republic of Azerbaijan**)
Victor Moraru - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - PhD, doctor of Philology, ass. Professor in International Relations (**Georgia**)
Gheorge Costachi - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Ruslan Shevchenko - PhD, doctor of History (**Republic of Moldova**)
Lew Spivak - Professor (**Israel**)
Irina Galayeva - LL.M, Master of International Law (**University of Lund, Sweden**) - academic secretary

COORDINATIVE-SCIENTIFIC COUNCIL

Lala Ahmadova - doctor of Philological Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Tamara Kiknadze - doctor of Political Sciences, Professor (**Georgia**)
Andrei Smochina - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**) **Tariel Sikharulidze** - doctor of Philological Sciences, Professor (**Georgia**)
Kamil Salimov - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**) **Anzor Totadze** - doctor of Economics Sciences, Professor (**Georgia**)
Victor Balmus - PhD, doctor of Law, ass. Professor (**Republic of Moldova**)

The journal is being issued since 2007

Address: Chisinau,
Moldova. Tel/FAX: +37322270313,
E-mail: guceac@mail.ru

The magazine registered 16th of august in 2007.

Reg. № 2320

The authors opinion does not necessarily coincide with position of editors

Решением Высшего Совета по науке и технологическому развитию Академии наук Молдовы и Национального Совета по аккредитации и аттестации журнал «Право и политология» признан как издание в области права и политологии, относящееся к научным журналам категории «Б» (решение № 151 от 21 июля 2014 года).

Журнал «Право и политология» является периодическим изданием научных партнеров

**ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ**

**ИНСТИТУТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНА**

ГЕЛАТСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (ГРУЗИЯ)

**ИНСТИТУТ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВА
(МОЛДОВА)**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мариам Цацанашвили - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Грузия)
Ион Гучак - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Республика Молдова)
Камал Макили-Алиев - доктор юридических наук - сопредседатель редколлегии (Азербайджанская Республика)
Гурам Мархулия - доктор истории, ассоциированный профессор (Грузия)
Намик Алиев - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Хиджран Гусейнова - доктор политических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Айтян Мустафаева - доктор юридических наук (Азербайджанская Республика)
Виктор Морару - доктор политических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариел Сихарулидзе - доктор филологии, ассоциированный профессор по международным отношениям (Грузия)
Георгий Костаки - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Руслан Шевченко - доктор истории (Республика Молдова)
Ирина Галаева - магистр международного права Лундского (Швеция) университета - ученый секретарь

НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ

Лала Ахмедова - доктор филологических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Тамара Кикнадзе - доктор политических наук, профессор (Грузия)
Амир Алиев - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Андрей Смокинэ - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариэл Сихарулидзе - доктор филологических наук, профессор (Грузия)
Камиль Салимов - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Анзор Тотадзе - доктор экономических наук, профессор (Грузия)
Виктор Балмуш - доктор права, профессор (Республика Молдова)
Рустам Маммадов - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Элико Циклаури-Ламих - доктор права (Германия)
Лев Спивак - профессор (Израиль)

Технический редактор - Еужения Тофан

Журнал выходит с 2007 года
Адрес: Кишинэу, Молдова Тел/FAX: +373 22270313,
E-mail: guceac@mail.ru

Журнал зарегистрирован 16 августа 2007 г.
Регистрация № 2320

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

CONTENT

LEGAL SCIENCES

George KOSTAKI

LAW-MAKING AND THE CREATION OF NORMS IN THE STATE GOVERNED BY THE RULE OF LAW.....6

Namig ALIYEV, Hasan ALIYEV

AGGRESSION AND OCCUPATION AS TEMPORARY PHENOMENA.....11

Ali RZAYEV

SOCIAL AND LEGAL RESPONSIBILITY: CONTENTS AND FEATURES.....15

Gadir KHALILOV

CONCEPT, DIRECTIONS, AND ESTABLISHMENT OF THE LAW OF SELF-DETERMINATION....19

Aysel ABBASLI

CONSTITUTIONAL BASE OF ENTREPRENEURSHIP24

Hasan ALIYEV

DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONALISM IN MODERN SOCIETY28

Hagani MAMEDOV

EUROPEAN CHARTER FOR REGIONAL AND MINORITY LANGUAGES AND LEGAL STATUS OF NATIONAL MINORITIES' LANGUAGES IN THE STATES OF SOUTH CAUCASUS.....35

Dreyf Allah Jameel Saleh SAIF

INTERNATIONAL LEGAL PROBLEMS IN THE PROCESS OF PEACEFUL SETTLEMENT OF THE SYRIAN CONFLICT.....39

Vusala MURADOVA

CHALLENGES AND THREATS TO THE MAINTENANCE OF INTERNATIONAL LEGAL PEACE AND SECURITY: EXPERIENCE AND PERSPECTIVES.....43

POLITICAL SCIENCES

Arif GULIYEV, Veronika CHEKALUYK

IMAGE OF THE FIRST LADY IN MASS MEDIA.....47

Rizvan HUSEYNOV

EURASIAN TRANSIT PROJECTS AS FACTOR IN THE RESOLUTION OF ARMENIA-AZERBAIJAN NAGORNO-KARABAKH CONFLICT.....52

Guram MADJGALADZE

MILITARY CONFLICT BETWEEN GEORGIA AND ARMENIA IN 1918.....56

Valerian DOLIDZE

POLITICAL CULTURE AND SPECIFICITIES OF ARTICULATION AND AGGREGATION OF INTERESTS IN POLITICAL SYSTEMS OF GEORGIA AND MOLDOVA.....60

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Георге КОСТАКИ

ПРАВОТВОРЧЕСТВО И НОРМОТВОРЧЕСТВО В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ.....6

Намик АЛИЕВ, Гасан АЛИЕВ

АГРЕССИИ И ОККУПАЦИИ КАК ВРЕМЕННЫЕ ЯВЛЕНИЯ.....11

Али РЗАЕВ

СОЦИАЛЬНАЯ И ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: СОДЕРЖАНИЕ И ПРИЗНАКИ.....15

Гадир ХАЛИЛОВ

КОНЦЕПЦИЯ, НАПРАВЛЕННОСТЬ И СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ.....19

Айсель АББАСЛЫ

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ...24

Гасан АЛИЕВ

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....28

Хагани МАМЕДОВ

ЕВРОПЕЙСКАЯ ХАРТИЯ ЯЗЫКОВ И ПРАВОВОЙ СТАТУС ЯЗЫКОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ГОСУДАРСТВАХ ЮЖНОГО КАВКАЗА.....35

Драйф Аллах Джамиля Салех САЙФ

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ПРОЦЕССЕ МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА.....39

Вусала МУРАДОВА

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....43

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ариф ГУЛИЕВ, Вероника ЧЕКАЛЮК

ИМИДЖ ПЕРВОЙ ЛЕДИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ.....47

Ризван ГУСЕЙНОВ

ЕВРАЗИЙСКИЕ ТРАНЗИТНЫЕ ПРОЕКТЫ, КАК ФАКТОР РЕШЕНИЯ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА.....52

Гурам МАНДЖГАЛАДЗЕ

ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ МЕЖДУ ГРУЗИЕЙ И АРМЕНИЕЙ В 1918 ГОДУ.....56

Валериян ДОЛИДЗЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПЕЦИФИКА АРТИКУЛЯЦИИ И АГРЕГАЦИИ ИНТЕРЕСОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ ГРУЗИИ И МОЛДОВЫ.....60

Георге КОСТАКИ,

доктор хабилитат права, профессор, главный научный сотрудник Института Правовых и Политических Исследований Академии Наук Молдовы

**ПРАВОТВОРЧЕСТВО И НОРМОТВОРЧЕСТВО
В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ**

Правотворчество является одно из самых главных функций и деятельностей государства. На современном этапе развития нашего общество произошли серьезные изменения в процессе реализации данной деятельности. Соответственно и содержание данного понятия изменилось, главным образом, под влиянием условий и стандартов правового государства.

Рассматривая отечественную юридическую литературу, к сожалению, вынуждены констатировать, что мало кто интересуется правотворчеством как о предмете научных исследований, в то время как в практическом плане органы государственной власти весьма активно вовлечены в нормативной деятельности. С нашей точки зрения, этот факт может быть расценен как недостаточность научного обоснования нормативной деятельности государства, что отрицательно сказывается и на качество нормативно-правовых актов.

Целью этой статьи является исследование ряд основных подходов к определению понятия правотворчества, и выявление соотношения этого понятия с нормотворчеством.

Изложение основного материала исследования. В теории права для обозначения процессов, связанных с созданием правовых норм и нормативных правовых актов, как их источников, используется два основных понятия – правотворчество и нормотворчество.

По мнению некоторых авторов, термин «правотворчество» употребляется для обозначения общего процесса принятия правовых актов независимо от их вида, а «нормотворчество» - для издания лишь нормативных правовых актов [12, с. 49]. В то же время В.М. Шамаров считает, что для законодательных и подзаконных актов вполне обоснованно употребление термина «правотворчество», а в случае актов принимаемых муниципальными органами, руководителями негосударственных органов, юридическими лицами, в рамках локального правотворчества, а также заключения соглашений между государственными органами и негосударственными (общественными) организациями

желательно использование термина «нормотворчество» [17, с. 47]. Зачастую эти понятия используются и как синонимы [10, с. 6].

Чтобы разобраться с этой задачи, следует, для начала, определить сущность понятия «правотворчество».

В российской учебной литературе и пособиях широко распространены определения, трактующие и сводящие правотворчество к деятельности, к процессу производства общеобязательных норм. В этих определениях ключевое значение приобретает совокупность действий, направленных на издание нормативных актов, содержащих нормы позитивного права, изменяющих и дополняющих действующее позитивное право. Так, А.Б. Венгеров определяет правотворчество как организационно оформленную, установленную процедурную деятельность государственных органов по созданию правовых норм или по признанию правовыми сложившихся, действующих в обществе правил поведения [6, с. 410]. Аналогичную трактовку правотворчеству дают Н. И. Матузов и А. В. Малько, определяя его как деятельность государственных органов по принятию, изменению и отмене юридических норм [11, с. 297].

Такое определение встречается и в нашей отечественной (молдавской – ред.) литературе, у профессора Д. Балтаг, который, подчеркивает, что правотворчество – это деятельность, прежде всего государственных органов по принятию, изменению и отмене юридических норм [4, с. 288].

Расширенную, но схожую трактовку понятия правотворчества дает российский ученый С. С. Алексеев. Он указывает, что правотворчество как деятельность уполномоченных органов является лишь завершающей частью процесса правообразования: «Правотворчество – это специальная деятельность компетентных органов, завершающая процесс правообразования, в результате которой приобретает юридическую силу и вступает в действие закон» [3, с. 89]. По мнению Х. И. Кайтаевой, здесь явно выражена мысль о том, что норма действующего права – это результат не только деятельности специальных

субъектов, но и сложного социально-политического процесса правообразования [8, с. 55-56].

Расширяя определение правотворчества С.С. Алексеев указывает, что в правотворчестве «находят концентрированное, «конечное» выражение два главных процесса правообразования – объективно обусловленные требования социальной жизни, с одной стороны, активная, творческая деятельность компетентных органов по выработке и включению тех или иных норм в действующую правовую систему – с другой» [2, с. 309].

Соответственно, и наши ученые считают, что правотворчество – составная более широкого процесса – правообразования. По мнению Д. Балтаг, В. Бужор и Т. Бужор правообразование – относительно длительный по времени процесс формирования юридической нормы. Он начинается с анализа социальной ситуации, осознания необходимости ее правового урегулирования, общего представления о юридическом предписании, которое следует издать, и заканчивается разработкой и принятием юридической нормы. Последний этап правообразования и есть правотворчество [4, с. 287-288; 5, с. 116].

Одновременно «правотворчество» определяется как процесс возведения в закон государственной воли (государственная деятельность, завершающая процесс формирования права [15, с. 122]). И эта идея поддержана молдавскими исследователями [1, с. 60-61]. Несмотря на это, с этой точкой зрения не согласна Х. И. Кайтаева, которая, не возражая в целом против определения правотворчества как формы выражения воли, полагает, что определение ее субъектом государства было бы упрощением проблемы. Рассматривая правотворчество с позиций правовой государственности, автор вполне оправдано считает, что не следует сводить правотворчество к деятельности государства по оформлению в виде правового акта собственной воли [8, с. 57-58].

Соответственно, важной представляется формулировка С.А. Комарова, который определяет правотворчество как «вид государственной деятельности, в результате которой воля народа (класса, социальной группы) возводится в закон, выражается в норме права, в определенном источнике права» [9, с. 161]. Аналогичное определение предлагают и наши исследователи В. Бужор и Т. Бужор, по мнению которых правотворчество – это деятельность государственных органов и должностных лиц, в результате которой воля народа (класса, социальной группы, клана) возводится в закон, выражается в определенном источнике права и состоит в издании, переработке и обмене нормативных правовых актов [5, с. 116].

В литературе встречается и другая парадигма определения правотворчества. Некоторые теоретики права считают, что правотворчество есть форма государственной деятельности, направленная на создание правовых норм, на

их дальнейшее совершенствование, изменение или отмену. Например, А.С. Пиголкин высказывает мнение о том, что правотворчество – это, прежде всего, «форма государственного руководства обществом» [15, с. 215]. И по мнению В. К. Бабаева правотворчество представляет собой деятельность активную, государственную по своему характеру, является важнейшим средством управления обществом и непосредственно связано с типом государства, его формой и функциями [13, с. 305] (идея признанная и в нашей литературе [1, с. 61]).

Рассматривая множество определений данных правотворчеству, Х. И. Кайтаева приходит к выводу, что все они сходны в том, что: 1) правотворчество это процесс; 2) целью этого процесса является установление общеобязательных правил для регулирования общественных отношений; 3) конечным результатом этого процесса являются нормативные правовые акты (формы), содержащие общеобязательные правила поведения. В то же время, не достигнуто согласия в определении правотворчества в том, что касается: 1) времени начала правотворческого процесса и количества его основных стадий; 2) соотношения объективного и субъективного в правотворческом процессе; 3) субъектов правотворчества и их роли в этом процессе; 4) содержания норм (права или не права), выраженных в принятом в результате правотворческого процесса нормативном правовом акте [8, с. 66].

На основе этого вывода, автор предлагает различить понятия «правотворческий процесс» и «правотворчество», понятия очень близки по содержанию, но не одинаковы.

Правотворческий процесс в этом смысле – понятие более широкое потому, что всякая процедура по принятию нормативного правового акта есть правотворческий процесс, или нормотворчество. Другими словами, в качестве результата для определения правотворческого процесса (нормотворчества) достаточно признака, достижения формальной цели – издания акта, содержащего официальные общеобязательные нормы. Качественность этих норм, их соответствие правовым характеристикам не является существенным признаком правотворческого процесса (нормотворчества). Объясняя автор подчеркивает, что если допустить, что законодательный орган, соблюдая все необходимые процедуры и преследуя благородные цели, принял закон неправового характера (неважно, по каким причинам), ограничивающий основные права и свободы человека, т.е. совершил законодательную ошибку, причинившую значительный вред обществу и его гражданам, то можно ли в этом случае говорить о правотворчестве? Нет. Принят закон – официально признанная форма выражения норм. Право не сотворено. Сотворены нормы, облеченные в определенную форму, которые должны были бы быть наполнены правовым содержанием. Правотворческий процесс (нормотворчество)

состоялся, однако право не образовалось, правотворчество не состоялось. Конечно, на практике гораздо чаще правотворческий процесс завершается созданием права, и в этом случае можно говорить, что правотворчество состоялось [8, с. 67].

Таким образом, правотворческий процесс (нормотворчество), по мнению автора, в этом смысле – понятие более широкое, оно вмещает в себя всякую предусмотренную законом процедуру принятия общеобязательных норм. Правотворчество в этом контексте – понятие меньшее по объему, так как включает лишь только процесс, завершающийся положительным правотворчеством, а не только нормотворчеством. Упрощенно, правотворчество – это тоже нормотворчество, но отвечающее особым организационным и процедурным требованиям, в результате которого принимается нормативный акт правового характера. Эти дополнительные признаки и делают понятие правотворчества меньшим по объему.

Однако правотворчество – одновременно и более широкое понятие по сравнению с правотворческим процессом (нормотворчеством), потому что включает в себя не только совокупность действий субъектов, направленных на издание нормативного акта, но и систему организационных, экономических, морально-этических гарантий, препятствующих принятию неправового нормативного акта. Соответственно, понятие правотворчества охватывает не только процесс, но и формирование необходимых условий для создания норм правового характера.

Исходя из этих рассуждений, Х. И. Кайтаева считает, что важнейшей стадией, залогом, основой правотворчества в правовом государстве является правильная организация в соответствии с идеалами демократического и социального государства правотворческих органов. Трудно представить правотворческий процесс в правовом государстве, если его правотворческие органы и должностные лица не обладают достаточным народным представительством или легитимностью своих полномочий.

Проще сказать, что правотворчество в правовом государстве начинается со стадии формирования правотворческих органов и порядка наделения правотворческими полномочиями должностных лиц. Ненадлежащая организация этих органов (например, отсутствие адекватного представительства интересов социальных групп в парламенте) может превратить правотворчество в обычное нормотворчество и, естественно, поставить под сомнение главный принцип правовой государственности – верховенство правового закона.

Итак, под правотворчеством в правовом государстве в широком смысле Х.И. Кайтаева понимает не процесс принятия отдельного правового акта, а один из

самостоятельных аспектов организации и функционирования правового государства, заключающийся в формировании и функционировании правотворческих структур, способных с организационной и процедурной точки зрения издавать правовые нормативные акты. По ее убеждению, лишь такое широкое определение правотворчества позволяет охватить все его значимые стороны, определяющие качество позитивного законодательства и возможности его реального совершенствования [8, с. 68].

Правотворчество в правовом государстве может быть определено и в более узком смысле – как совокупность организационных и процедурных действий государственных органов и лиц, приобретших правотворческие полномочия на основе права, подлинного представительства социальных интересов, осуществляемых в строго установленном порядке, обеспечивающем возможность учета и оценки всех факторов (социального, правового, экономического, морально-нравственного плана), определяющих правовой характер принимаемого нормативного правового акта [8, с. 68].

Такое определение правотворчества, по-новому выстраивает соотношение смежных понятий. Конкретно Х. И. Кайтаева подчеркивает, что понятия законодательства и ведомственного нормотворчества приобретают иное значение и не являются составными частями правотворчества, как это часто утверждается в научные исследования.

Следует отметить, что традиционно в литературе «нормотворчеством» обозначается деятельность министерств и ведомств по созданию, изменению и отмене ведомственных нормативных актов, т.е. ведомственное нормотворчество. Или, как вполне справедливо считают отдельные авторы, правотворчество в зависимости от значимости принимаемых актов подразделяется на законодательство и подзаконное правотворчество, где законодательство представляется как процесс создания законодательных актов высшими представительными (законодательными) органами государства, включающий особую процедуру – стадии законодательского процесса, а подзаконное правотворчество – это нормотворческая деятельность органов исполнительной власти и приравненных к ней (по виду принимаемых ими нормативных правовых актов как подзаконных) органов и лиц [16, с. 377].

Несмотря на это, почти общепринятое мнение, Х. И. Кайтаева предлагает определять соотношение этих понятий на основе принципа различения права и закона, на основе допущения, что не всякий принятый нормативный акт является актом правотворчества, если он носит неправового характер и не подлежит применению. При этом следует учитывать, что если основу содержания правового закона составляет согласованная воля народа, а основным

документом, устанавливающим права и обязанности в правовом государстве, является закон, как акт принятый сформированным на началах народного представительства законодательным органом, то правотворчеством в узком значении следует считать только принятие законов правового характера. Согласно теории, все остальное нормотворчество в правовом государстве призвано не выражать волю народа, устанавливая общеобязательные правила, а подчиняться ей. На этом основан принцип законности. В этом проявляется системность законодательства. Однако если подходить к определению понятия правотворчества с точки зрения правового содержания нормативного правового акта, то всякий нормативный правовой акт, соответствующий правовому закону, также приобретает характер правового, а его издание становится правотворчеством.

Коротко соотношение правотворчества и нормотворчества можно, по мнению автора, выразить в следующей формуле: всякое правотворчество включает нормотворчество как процесс, но не всякое нормотворчество становится правотворчеством и тождественно ему. Юридическое нормотворчество – по формальным признакам наиболее широкое понятие, включающее в себя все виды и способы издания общеобязательных правил соответствующим образом уполномоченными лицами. Правотворчество – наиболее широкое понятие по содержательным признакам и потому не всегда совпадает и исчерпывается понятием нормотворчества [8, с. 69].

С нашей точки зрения, не смотря на то, что Х. И. Кайтаева предлагает в основном новый подход к определению правотворчества на основании концепции правовой государственности (что весьма актуально), все-таки мы не согласны с разграничением, которую она проводит между правотворчеством и нормотворчеством. Мы считаем ошибочным понимание нормотворчества как простой процесс создания юридических норм без правового содержания. В сущности это противоречит общепризнанному принципу, согласно которому все законы и подзаконные акты предполагаются быть конституционными и, соответственно законными пока в предусмотренном порядке официально не установлено иное.

Соответственно, по нашему мнению, правотворчество можно определить как деятельность компетентных органов и лиц по реализации одной из главных функций государства – создание и совершенствование правовых норм (воспроизводство позитивного права), согласно установленных процедур и с учетом общественных потребностей.

Определенную значимость в данном контексте, представляет определение данное Т.О. Дидыч, который

подчеркивает, что правотворческая деятельность сложное и многогранное явление, обеспечивающее формирование норм национального и международного права, их обновление и совершенствование. В то же время правотворчество – разновидность юридической практической деятельности, результатом осуществления которой является принятие документов нормативно-правового характера. Сегодня правотворчество понимается широко, а именно как деятельность, которая осуществляется государством в лице уполномоченных органов, обществом с помощью институтов непосредственной и представительной демократии, институтами международного сообщества, органами местного самоуправления, общественными организациями и т. д. [7, с. 68].

Такое многоаспектное понимание правотворчества отражает, по мнению автора, демократический характер деятельности государства, высокий уровень развития гражданского общества и дает возможность объединить государственно-властную деятельность в сфере правотворчества и правотворческую деятельность населения государства, институтов гражданского общества и международного сообщества. В советской юридической литературе правотворчество рассматривалось как монополярная деятельность государства, результатом которой было право, его изменение и совершенствование в виде системы нормативных правовых актов, что составляло в целом законодательную базу. На современном этапе развития государственности и гражданского общества такое понимание правотворчества оказалось ограниченным, поскольку оно не отражает роли институтов гражданского общества и международного сообщества в данной сфере деятельности. Соответственно, переход от узкого понимания правотворчества как государственно-властной деятельности к широкому, – как деятельности уполномоченных субъектов государства, институтов гражданского общества и международного сообщества требует, по мнению автора, переосмысления роли и значения государства в правотворчестве [7, с. 69].

Заключение. Обобщая вышеизложенное, подчеркнем, что в правотворчестве участвуют различные субъекты, действующие в соответствии с процедурой, установленной нормативными правовыми актами. Исходя из того, что правотворчество в правовом государстве представляется комплексным, многогранным, многоуровневым правовым явлением особо значимо научное осмысление и обоснование этой деятельности, для того чтобы компетентные субъекты смогли как можно лучше и эффективнее усовершенствовать правовые нормы в интересах и с учетом общественных потребностей.

Литература:

1. Frunză, I., Dulschi, I., Cușmir, M., Cușmir, L., Postu, I. Teoria generală a statului și dreptului (în întrebări și răspunsuri). - Bălți: Institutul Nistean de Economie și Drept, 2003. - 180 с.
2. Алексеев, С.С. Общая теория права. Т. 1. - Москва, 1981. - 361 с.
3. Алексеев, С.С. Право: Азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. - Москва, 1999. - 712 с.
4. Балтаг, Д. Общая теория права. Курс лекций. - Кишинев: Centrul Editorial ULIM, 2009. - 395с.
5. Бужор, В., Бужор, Т. Общая теория права и государства. Курс лекций. - Кишинэу, 2003. - 182 с.
6. Венгеров, А.Б. Теория государства и права. - Москва, 2000. - 528 с.
7. Дидыч, Т.О. Правотворчество государства и противодействие коррупции в современных условиях. - Журнал российского права, 2012, № 8, с. 69-74.
8. Кайтаева Х.И. Проблема определения понятия правотворчества и его виды. В: Образование и Право, 2010, №5. с. 55-71.
9. Комаров С.А. Общая теория государства и права. М.: Манускрипт, 1996. 312 с.
10. Костенников, М.В. Порядок разработки и принятия правовых актов органов внутренних дел: Учебное пособие. - Москва, 2001. - 124 с.
11. Матузов, Н.И., Малько, А.В. Теория государства и права. - Москва, 2001. - 776 с.
12. Москалькова, Т. Н., Черников, В. В. Нормотворчество: научно-практическое пособие. - Москва: Проспект, 2011. - 384 с.
13. Общая теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. - Н. Новгород, 1993. - 538 с.
14. Общая теория права / Под ред. А.С. Пиголкина. - Москва, 1996. - 384 с.
15. Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. - Москва, 1994. - 520 с.
16. Оксамытный, В. В. Теория государства и права: Учебник для студентов высших учебных заведений. - Москва, 2004. - 563 с.
17. Шамаров, В. М. К вопросу о содержании понятия «правотворчество» в учебной юридической литературе. - Вестник Екатеринбургского Института, 2012, №2 (18), с. 45-53.

SUMMARY

The purpose of this paper is to study a number of the main approaches to the definition of law-making, and the identification of the ratio of the standard-setting concepts.

Keywords: *law-making, legal norms, law, legal act, the law-making process.*

РЕЗЮМЕ

Целью этой статьи является исследование ряд основных подходов к определению понятия правотворчества, и выявление соотношение этого понятия с нормотворчеством.

Ключевые слова: *правотворчество, нормотворчество, юридические нормы, закон, нормативно-правовой акт, правотворческий процесс.*

Намик АЛИЕВ,
доктор юридических наук, профессор,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Азербайджанской Республики

Гасан АЛИЕВ,
докторант Академии Государственного управления
при Президенте Азербайджанской республики

Агрессии и оккупации как временные явления.

Краеугольной идеей всех исследований территориально-этно-политических конфликтов последних 25 лет является необходимость осознания того, что агрессии и оккупации всегда приходит конец. Это - закон истории. Сам термин «агрессия» предполагает завершенность действия, вслед за которым обязательно следует устранение ее последствий: либо военным путем, либо путем мирных дипломатических переговоров. А в термин «оккупация» изначально заложен временной характер, предполагающий, что со временем оккупации приходит конец: также, либо военным путем, либо путем мирных дипломатических переговоров. Это - закон жизни, закон истории.

Агрессия Республики Армения противоречит международному праву, поскольку она представляет собой нарушение принципа уважения территориальной целостности суверенных государств. Совет Безопасности Организации Объединенных Наций прямо указал в своих резолюциях 822 (1993), 853 (1993), 874 (1993) и 884 (1993) на оккупацию территорий Азербайджана и вновь подтвердил при этом «суверенитет и территориальную целостность Азербайджанской Республики», а также «нерушимость международных границ». В том же духе сформулирована резолюция 62/243 Генеральной Ассамблеи от 14 марта 2008 года, в которой Ассамблея «вновь заявляет о неизменном уважении и поддержке суверенитета и территориальной целостности Азербайджанской Республики в пределах ее международно признанных границ» [3].

К этому следует добавить, что практически с самого момента своего образования Республика Армения и Азербайджанская Республика, как и другие государства,

подписавшие Алма-Атинскую декларацию от 21 декабря 1991 года, приняли на себя обязательство признавать и уважать территориальную целостность друг друга и нерушимость существующих границ [6]. В статье 3 Устава Содружества Независимых Государств (СНГ), участниками которого являются Армения и Азербайджан, подчеркивается принцип нерушимости государственных границ, признания существующих границ и отказа от противоправных территориальных приобретений [7].

В результате агрессии были нарушены права азербайджанцев, как в Республике Армения, так и на оккупированных территориях Азербайджана, за которые Армения несет международную ответственность, вытекающую, в частности, из Протокола № 4 к Европейской конвенции о правах человека 1963 года, где в пункте 1 статьи 3 говорится: «Никто не может быть выслан путем индивидуальных или коллективных мер с территории государства, гражданином которого он является».

В соответствии с нормами гуманитарного права, оккупация не предоставляет оккупирующему государству суверенитета над оккупированной территорией. «Аннексия завоеванной территории запрещена международным правом, - пишет известный юрист-международник Гассер. - Это непременно означает, что, если одно государство приобретает власть над частями территории другого государства с помощью силы или угрозы силой, такая ситуация должна рассматриваться как временная согласно международному праву. Международное право касательно враждебной оккупации должно, следовательно, пониматься как означающее, что оккупирующая держава не является суверенной, но осуществляет непостоянный, временный контроль над иностранной территорией» [1, p.242].

После этнической чистки азербайджанцев-аборигенов из Республики Армения и Карабаха, достигшая в 1994 году Бишкекского соглашения (протокола) о прекращении огня и приостановлении военных действий, Республика Армения на оккупированных территориях Азербайджанской Республики продолжила осуществлять политику искусственного изменения демографической ситуации. С этой целью получил старт процесс незаконного расселения армян на оккупированных территориях, который продолжается и сегодня. Из некоторых источников, в первую очередь армянских, и согласно данным миссии ОБСЕ, известно, что, начиная с середины 90-х годов прошлого века по 2012-й год, на оккупированных территориях было расселено 25-27 тысяч армян. Подобная политика заселения поддерживается и финансируется правительством Республики Армения и армянской диаспорой за рубежом.

Оккупация азербайджанских территорий сопровождается разграблением и незаконным использованием природных, материальных и духовных ценностей. Постоянно поступают сведения о разрушении домов, могил, памятников культуры, вывозе с оккупированных территорий Азербайджана в другие государства оборудования, строительных материалов и т. д. Уникальные экспонаты из музеев на оккупированных территориях были либо уничтожены, либо присвоены армянами. Известны факты представления в различных странах мира азербайджанских культурно-исторических произведений и природных ресурсов, захваченных на оккупированных территориях, в качестве национального достояния Республики Армения. Так, например, участились случаи продажи древних азербайджанских музыкальных инструментов и ковров в качестве армянских на различных выставках и аукционах в странах Европы, СНГ и Северной Америки.

Следует отметить особое значение, придаваемое армянами задаче присвоения памятников древней Кавказской Албании (исторического государства на территории Азербайджана). Древние албанские надписи, стенные узоры и кресты на них заменялись армянской атрибутикой. Целый ряд мечетей же используются под амбары. Эта целенаправленная кампания должна показать, что оккупированные земли с культурно-исторической точки зрения Азербайджану не принадлежат, тем самым оправдывая расселение на них армян. В этой связи следует особо отметить массовые случаи замены азербайджанских топонимов (наименований мест) армянскими. Главной целью всего этого является создание "основы" для "узаконения" этих территорий в будущем.

Осуществляемая Арменией на оккупированных территориях Азербайджана аннексионистская политика, преследующая цель добиться перехода суверенитета над этими территориями, хорошо известна в международной практике. Подобные попытки предпринимались ранее неоднократно, в связи с чем международное сообщество выработало нормы, призванные эффективно им противодействовать. Международное право, применяемое не только к жителям оккупированной территории, но защищающее также независимое существование государства, его институтов и законов, запрещает действия, которые базируются исключительно на военной силе оккупирующей державы, а не на суверенном решении оккупированного государства.

Кроме того, осуществление данной политики противоречит Четвертой Женевской Конвенции от 12 августа 1949-го года «О защите мирного населения во время войны» и добавленным к ней протоколам, к которой в 1993-м году присоединилась и Республика Армения [5, 166-253, 261-368].

Наблюдая за действиями всех основных геополитических акторов этого конфликта, можно прийти к выводу, что наступил период осознания ими необходимости разрешения конфликта, как выразились главы государств – сопредседателей Минской группы, «изменения статуса-кво». Принципиальный вопрос, на который еще не получен ответ – каким образом будет разрешен конфликт и восстановлена территориальная целостность Азербайджанской Республики.

В свете сказанного, хотелось бы напомнить сопредседателям Минской группы ОБСЕ латинский постулат "Invitat culpam qui peccatum praeterit" (Несет вину проходящий мимо преступления – лат.), характеризующий высокую степень их ответственности, а, в конечном счете, ответственность представляемых ими государств в своевременном (а скорее, наоборот, в запоздалом) прекращении оккупации Республикой Армения азербайджанских территорий.

Мы уже писали ранее, что разрешение международного территориального конфликта возможно лишь тогда, когда мировым сообществом дана его *объективная политико-правовая оценка*. К сожалению, возникла парадоксальная ситуация, когда риторика представителей стран Минской группы не отражает, а порой и противоречит международно-правовым документам, которые поддержали и за которые голосовали их страны. Мало того, их действия противоречат позиции глав их государств, которые заявили о недопустимости сохранения статуса-кво, т.е. оккупации азербайджанских территорий. Именно неспособность (а может и нежелание) сопредседателей Минской группы публично дать политико-

правовую оценку армяно-азербайджанскому нагорно-карабахскому конфликту приводит к продолжению конфликта.

Что же следует предпринять для прекращения агрессии и оккупации азербайджанских территорий, для разрешения конфликта? Прежде всего, при выработке окончательного решения по урегулированию конфликта следует строго разграничить историю и международное право, отделив их друг от друга. Лишь только на основе всестороннего, полного, исчерпывающего изучения причин и корней конфликта, оценки сложившейся, на момент выработки решения, ситуации возможно достижение нижеследующих основных целей: 1) принятия сторонами (при участии посредников) справедливого решения; 2) юридически правильного и результативного применения общепризнанных международно-правовых норм; 3) обеспечения стабильного, долговременного, гарантированного мировым сообществом мира.

Казалось бы, что еще надо доказывать, и как можно увильнуть от истины после принятия Парламентской Ассамблеей Совета Европы 25 января 2005 года резолюции 1416 (2005) «Конфликт в нагорно-карабахском регионе, решением которого занимается Минская конференция ОБСЕ» (докладчик Дэвид Аткинсон), в которой была признана оккупация значительной части территории Азербайджана войсками Республика Армения, а также подчеркнуто, что «оккупация иностранной территории любым государством-членом представляет собой серьезное нарушение обязательств этого государства как члена Совета Европы» [2].

А после принятия в середине марта 2008 года на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Резолюции «О ситуации на оккупированных территориях Азербайджана», дающей фактически политико-правовую оценку нагорно-карабахского конфликта [3], все надеялись, что она

послужит толчком к принятию подобных решений и другими международными организациями, и, прежде всего ОБСЕ, в рамках которой пока безуспешно осуществляется минский переговорный процесс.

Именно позиция ОБСЕ, не замечающей решения многих международных организаций, не обращающей внимание на позицию Азербайджанской Республики, да и просто закрывающей глаза на объективную истину, является сегодня причиной продолжающегося конфликта, невозможности прекращения оккупации, продолжения нарушения положений Хельсинского Акта 1975 года [4]. Положение абсурдное, когда вопреки всем международно-правовым нормам не оказывается международного давления на оккупанта, а наоборот, требуют уступок от жертвы агрессии. И осуществляет это организация, созданная на основе и во исполнение положений Хельсинского Акта.

Однако, возвращаясь к началу моих размышлений, хочу еще раз подчеркнуть, что понятия агрессия и оккупация - временные. А после их прекращения ответственность будут нести не только агрессоры и оккупанты, но, надеемся, и их посредники.

Сегодня важна любая возможность довести до общественности Европы истину об армяно-азербайджанском нагорно-карабахском конфликте, многолетнем процессе его безуспешного (надеемся - пока) разрешения, роли в этом Минской группы ОБСЕ. Только понимание того, что знание истины, осознание того, что процесс развала государств, нарушения территориальной целостности, не может никого оставить в стороне - способно сегодня остановить войну. Активная позиция мировой общественности, объективно информированной о происходящем в мире, способна обеспечить мирное разрешение конфликтов на основе международно-признанных правовых норм существования человечества.

Литература:

1. **Gasser, H.P.** Protection of the Civilian Population. In Handbook of Humanitarian Law in Armed Conflict. Ed. D.Fleck. – Oxford, 1995
2. **Конфликт** в нагорно-карабахском регионе, решением которого занимается Минская конференция ОБСЕ. Резолюция 1416 (2005) Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 25 января 2005 года. – <http://assembly.coe.int>
3. **О ситуации** на оккупированных территориях Азербайджана. Резолюция 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, март 2008 года
4. **Заключительный** акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1 августа 1975). - <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/osce/basic/Roscebasc.html>
5. **1949-cu** il 12 avqust tarixli Cenevrə Konvensiyaları və onlara Protokollar. – Bakı: AR Milli Məclisi və Beynəlxalq Qızıl Xaç Komitəsi, 1999. – 392 s.

6. **Алма-Атинская Декларация** от 21 декабря 1991 года. - Сборник документов Содружества Независимых Государств. 1991, № 1, с. 15

7. **Устав** Содружества Независимых Государств, 1993. – 34 International Legal Materials 1279, 1283 (1995)

Резюме

Статья рассматривает и доказывает временность как отличительный фактор таких явлений как агрессия и оккупация в контексте норм современного международного права и на примере Нагорно-Карабахского конфликта между Арменией и Азербайджаном. В статье подчеркивается важность объективной политико-правовой оценки агрессии и оккупации со стороны международного сообщества.

Ключевые слова: агрессия, оккупация, Минская группа ОБСЕ, нагорно-карабахский конфликт, гуманитарное право, статус-кво, резолюция ПАСЕ, резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, Азербайджанская Республика, Республика Армения

Summary

The article covers and proves the temporal factor in phenomena of aggression and occupation in the context of norms of contemporary international law and in exemplary Nagorno-Karabakh Conflict between Armenia and Azerbaijan. The article stresses out the importance of an objective political and legal evaluation of the aggression and occupation by the international community.

Keywords: aggression, occupation, Minsk Group, OSCE, Nagorno-Karabakh, conflict, humanitarian law, status quo, PACE, resolution, UN General Assembly, Republic of Azerbaijan, Republic of Armenia.

Али РЗАЕВ,

научный сотрудник отдела «Гражданское право, гражданский процесс, социально-экономические права» Института права и прав человека НАНА, доктор юридических наук, профессор

doktor-rzayev-ali@mail.ru

(+994) 50 212 77 77

СОЦИАЛЬНАЯ И ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: СОДЕРЖАНИЕ И ПРИЗНАКИ

По отношению к ответственности следует держаться как к огню: не слишком близко, чтобы сгореть, и не слишком далеко, чтобы замерзнуть.

Ответственность – это особое общественное отношение, обеспечивающее эффективную реализацию многообразных взаимосвязей между гражданами с одной стороны, государством (его органом) с другой. Ответственность является очень сложным, многофункциональным и многофакторным феноменом, а также является особым общественным отношением, позволяющим рационально осуществить многочисленные связи между гражданами и государственными органами, основа для укрепления государственной дисциплины, соблюдению законодательства и правовых норм во всех сферах жизнедеятельности общества и государства.

В самом общем виде ответственность представляет собой отношение, обеспечивающее интересы и свободу взаимосвязанных сторон, гарантированных обществом и государством. Она формируется на основе последовательного воздействия трех составных частей: а) сознание долга; б) оценки поведения; в) наложения санкций. Несмотря на то, что проблеме юридической ответственности посвящено множество публикаций, как в отраслевых юридических науках, так и в общетеоретическом плане, многие вопросы данной проблемы еще не нашли окончательного решения. До сих пор недостаточно полно выработано, единое общепризнанное понятие юридической ответственности.

В философском слове понятие *ответственности* определяется, как «способность человека сознательно (намеренно, добровольно) выполнять определенные требования и осуществлять стоящие перед ним задачи: совершать правильный моральный выбор, достигать определенного результата, а также связанные с этим вопросом правоты или виновности человека, возможности одобрения или осуждения его поступков, вознаграждения

или наказания [5, 346-347]. Здесь ответственность рассматривается в позитивном и негативном аспектах, причем в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Ведущим элементом в ответственности выступает оценка решения, действия гражданина, коллектива, органа или другого компонента общественной системы с точки зрения признанных и действующих идеалов, ценностей, принципов, норм и пользы для общественного развития [2, 415].

Основой в механизме *социальной ответственности* является соответствие социальных должностных обязанностей социальным нормам. Юридическая ответственность, как один из видов социальной ответственности, считается индикатором правовой политики государства и является важным институтом каждой правовой системы, одним из признаков показывающих сущность права и необходимый элемент его воздействующего механизма. Поэтому проблема правовой ответственности занимает одно из центральных мест в общей правовой теории права. Правовая ответственность, как правило, в первую очередь находит свое адекватное выражение в конституционных нормах, а они в свою очередь конкретизируются в текущем законодательстве и развиваются [4, 21].

Проблема правовой ответственности по сей день является спорной. Наряду с правоведами, философы также принимают участие в определении сущности и правовой природы этого явления. *С конца 60-х годов прошлого века, правовую ответственность стали рассматривать как с негативной, так и с позитивной позиции.* Часть ученых-правоведов, подходит к правовой ответственности с ретроспективных позиций, т. е. рассматривают ее как ответственность за определенное правонарушение, противоправное действие.

В юридической литературе институт юридической ответственности считается, сердцевиной

соответствующей (любой) отрасли права, представляющей собой интегративную основу всей системы отрасли юридической ответственности к ней относят следующие признаки: 1) юридическая ответственность состоит из норм материального и норм процессуального права, причем процессуальное право лишь регулирует порядок и условия возложения, изменения юридической ответственности за правонарушения; 2) юридическая ответственность является, наряду, например, с экономической, одним из видов социальной ответственности; 3) юридической ответственности, в отличие от социальной, устанавливается только правовыми актами; она применяется за совершение правонарушения, за нарушение правовых норм; 4) юридическая ответственность является одной из форм государственного принуждения, а поэтому применяется либо государственными органами, либо по поручению государственных органов общественными органами [См.: 3, 12].

Институт юридической ответственности – это сложный, межотраслевой, функциональный, регулятивно-охранительный институт права, закрепляющий и (или) оказывающий динамическое воздействие на наиболее важные общественные отношения, а в случае их нарушения регулирующий отношения ответственности, возникающие из юридического факта правонарушения [6, 17]. Институт ответственности носит объективный характер, закреплен в нормативных правовых актах и выступает предпосылкой внешнего проявления позитивного или негативного аспектов реализации юридической ответственности.

В вопросе правовой ответственности, ученые-правоведы делятся на две группы: в одну группу входят только лишь сторонники негативного аспекта, а в другую группу сторонники двухаспектной ответственности, где отражены и негативные, и позитивные аспекты. Вокруг двух подходов в отношении к ответственности между теоретиками права продолжаются споры.

По нашему мнению правовую ответственность надо рассматривать в двух аспектных позициях. Так как позитивный аспект правовой ответственности является разновидностью социальной ответственности, правовая ответственность способствует добросовестному выполнению субъектом своих должностных обязанностей, соблюдению законности и правопорядка, имеет огромное воспитательное значение.

Социальную ответственность можно классифицировать, как политическую, моральную и правовую. Основные виды ответственности можно и характеризовать как явления, феномены, формы взаимодействия человека и общества, гражданина и

государства, разновидности ответственности в различных сферах и областях жизнедеятельности человека, гражданского общества и государства. В настоящее время требуется уделить больше внимание *моральной ответственности*.

На практике, с точки зрения теории и нормативов, широко используется *правовая (юридическая) ответственность*. Понятие правовой ответственности тесно связано с юридическими нормами и механизмом их исполнения всеми членами общества. Правовая ответственность наступает в связи с противозаконными поступками и действиями людей, т.е. непосредственно связана с правонарушением. Механизм юридической ответственности действует нормально в том случае, когда в законе четко обозначены основные элементы ответственности – его структура, субъекты, условия, объем, процедура и правила применения.

В юридической литературе выделяются основания ответственности. Из них, нам хотелось бы выделить: 1) законы, являющиеся правовым основанием; 2) практическое основание – правонарушения, т.е. дисциплинарные и административные проступки, преступные действия, приводящие в движение механизм ответственности.

К *основным принципам* осуществления юридической ответственности относятся: принципы законности, справедливости, целесообразности и неизбежности.

Понятие дисциплинарной ответственности подразумевает применение дисциплинарных мер в служебном порядке, при нарушении государственным служащим служебной дисциплины. Признаками, характеризующими и отличающими дисциплинарную ответственность от других видов ответственности, являются: а) основой дисциплинарной ответственности являются дисциплинарные проступки; б) в отношении дисциплинарного проступка предусматривается дисциплинарное наказание; в) дисциплинарную ответственность применяют компетентные органы в порядке подчиненности; г) наличие полномочий освобождения от работы сроком на 6 месяцев.

По признакам можно характеризовать дисциплинарную ответственность, ее сходства и различия с административной, материальной и уголовной ответственностью. Дисциплинарные взыскания применяются, как правило, во внутрислужебном порядке; лицо, которое подвергается дисциплинарному взысканию, находится в прямой служебной зависимости от органа или должностного лица налагающего взыскание.

Административная ответственность – вид юридической ответственности, которая выражается в

применении уполномоченным органом или должностным лицом административного взыскания к лицу, совершившему правонарушение. Административная ответственность имеет следующие характерные черты; 1) административная ответственность устанавливается как законами, так и подзаконными актами, либо их нормами об административных правонарушениях; 2) основанием административной ответственности является административное правонарушение; 3) субъектом административной ответственности могут быть как физические лица, так и коллективные образования; 4) за административные правонарушения предусмотрены административные взыскания; 5) административные взыскания налагаются органами и должностными лицами на неподчиненных им правонарушителей; 6) применение административного взыскания не влечет судимости и увольнения с работы; 7) меры административной ответственности применяются в соответствии с законодательством, регламентирующим производство по делам об административных правонарушениях [1, 282-283]. Основными видами административных взысканий являются: а) предупреждение; б) штраф; в) безвозмездное изъятие предмета, явившегося орудием совершения правонарушения; г) конфискация предмета; д) лишение специального права; е) исправительные работы; ж) административный арест.

Административная ответственность действует в соответствии с определенными принципами: законность, ответственность за проступок; принципы индивидуальности, гуманизма, целенаправленности, неизбежности, открытости. Административная ответственность относится к общеправовой форме ответственности и направлена на обеспечение интересов всего общества.

Материальная ответственность – при совершении проступка служащим, в результате чего наносится материальный ущерб государству, организации и гражданину, он привлекается к материальной ответственности. Материальная ответственность может возлагаться одновременно с уголовной, административной и дисциплинарной ответственностью или в отдельности.

Гражданин, совершивший преступление, привлекается к *уголовной ответственности*. В уголовном законе предусмотрено, что если формально имеются признаки какого-либо действия (действия или бездействия), но они малозначительны и поэтому не представляют собой общественную угрозу, т.е. не причиняют вреда личности, обществу или государству, то эти действия (действие или бездействие) не признаются преступлением. Уголовная ответственность отличается индивидуальным характером, т. е. лицо, совершившее преступление подвергается наказанию. Некоторые преступления относятся к должностным лицам и классифицируются как должностные. *К должностным преступлениям относятся использование служебного положения, превышение служебных компетенций, халатность, получение взятки, служебная фальсификация, распространение служебной тайны и т.д.*

Конституционная ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности обосновывается следующими объективными причинами: первое, увеличение фактов нарушений конституционных норм; второе, повышение роли конституционного права; третье, превращение конституционного права как средства воздействия на все правовые отношения; четвертое, активное развитие процессуальных институтов конституционного права и т.д.

В последнее время ученые-правоведы предлагают закрепление в Конституции в качестве отдельного вида – ответственность *государства перед гражданами, должностными лицами и организациями*. Ответственность лиц и должностных лиц перед государством свое правовое отражение находит, прежде всего, в Конституции. Юридическая ответственность считается правовой политикой государства.

Сложный и многопрофильный характер юридической ответственности предопределяет необходимость обращения к разным отраслям правовых знаний, а именно к исследованиям в области отраслевых юридических наук: гражданского, трудового, уголовного, административного, конституционного права.

Литература:

1. Алехин, А. П. Кармолицкий, А. А., Козлов, Ю. М. Административное право РФ. Учебник. – Москва: Зеркало, 1997
2. Атаманчук, Г. В. Теория государственного управления. Курс лекций. Изд. второе. – Москва: ОМЕГО, 2004
3. Духно, Н. А. Ивонкин, В. И. Понятие и виды юридической ответственности. - Государство и право (Москва), 2000, № 6

4. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих. Круглый стол журнала «Государство и право». - Государство и право (Москва), 2000, № 3
5. Философский словарь / Под ред. И. Г. Фролова. – Москва: Политическая литература, 1986
6. Чернявский, А. Г. Юридического ответственность. Учебное пособие. – Москва: Альфа-М., ИНФРА-М., 2017. - 544 с.

Ali Rzayev,

Institute of Law and Human Rights of Azerbaijan National Academy of sciences

Social and legal responsibility: content and signs

Summary

In the article are analyzed the theoretical and practical aspects of liability issues. The legal responsibility is considered in the positive and negative aspects through the prism of philosophical concept of social responsibility, explained the concept of the responsibility institution. In short, in the article is given the essence of kinds of the responsibility: disciplinary, administrative, material, criminal, constitutional responsibilities.

Ключевые слова: ответственность, институт, позитивные аспекты, негативные аспекты, механизм, правовой, понятие, принципы

Keywords: responsibility, institution, positive, negative, mechanism, lawful, concept, principles

Gadir KHALILOV,
PhD, Doctoral candidate at Baku State University
(Azerbaijan)
E-mail: gadirkhalilov@yahoo.com
Tel: +994 55 277 77 60

CONCEPT, DIRECTIONS, AND ESTABLISHMENT OF THE LAW OF SELF-DETERMINATION

Recent increase in the number of "non-recognized" entities has increased the number of claims for the law of self-determination in the field of international law. "Self-determination of destiny" or "self-determination" concepts have emerged as a result of freedom fights by different groups. The law of self-determination, which reflects freedom fights of different peoples, has been gradually incorporated into national legislations and international contracts.

Self-determination, which is more purposeful way of people's being organized, emerges as a result of nation's will for government. First adopted laws also linked the self-determination concept with the people's will. For example, the first French Constitution as of 1791 says that the goal of every state is "to ensure natural and integral rights of people" and "the source of sovereignty is the people's will".

US Declaration of Independence develops this idea even further by embracing this idea legally. Self-determination (for colonial emancipation) establishes international and (democratic government) domestic directions. As an example to democratic government, at the end of I World War, on May of 1916, the US President V. Wilson has specifically emphasized the right of peoples to elect political government based on the provisions of Constitution. Therefore, two ideas are suggested: "domestic self-determination" or "non-political self-determination". According to "self-determination" principle, any nation is free to select the desired form of sovereignty. Self-determination in USA has emerged as a result of anti-British governance and later the US Declaration of Independence refers to the self-determination as a right granted by God as a democratic way of government.

Self-determination right has evolved historically. Since 90s of XVIII century, peoples' sovereignty idea has been interpreted as a right of people, inhabiting certain territories, to decide under which state government they want to live. The right of self-determination shall be understood within the framework of national and political context. The idea of significance of uniting the territories that share the same language under the same country and using linguistics to determine the state borders, has started to expand, and national freedom fight has been combined with national sovereignty and peoples' right for self-determination.

"Self-determination" term was used for the first time in Berlin Congress in 1878. In general, XX century and its middle years are referred to as period of self-determination and colonial emancipation. There were only few colonies (except for Russia and Iran) left at the beginning of XXI century. Therefore it is important to look at appropriate right within the transformative aspect. In other words, secession defines not the context, but rather the direction of democratic government.

Self-determination is interesting in terms of history. Self-determination idea is translated into the principles in the United Nations (UN) documents. UN documents provide a new content and conditions to the self-determination. UN Charter and Resolution dated December 14, 1960 by General Assembly 1514 (XV) treats the self-determination as a tool for colonial emancipation. Moreover it defines the criteria to prevent cases of abuse of this right.

When drafting the UN Charter, the I Commission of San-Francisco Conference of 1945, analyzes the importance of "equality of rights of nations" and "self-determination" principles reflected in Item 2, Article I and comes to the conclusion that these Articles fall under the same Norm, which is the manifestation of free and complete will of people. In order to develop the Charter, UN includes the self-determination principles to other documents. Every UN member country shall respect this right and support it, in accordance with the UN Charter. The Article 2 of Resolution number 1514, dated December 14, 1969, says that every nation has a right for self-determination and this right enables them to determine their political status and pursue their economic, social and cultural development.

In order to legitimize this idea (principle), UN General Assembly has adopted the Resolution number 1803 (XVII), dated 14 December 1962 on "'Permanent sovereignty over natural resources'" and the Resolution number 2105 (XX), dated 20 December 1965 on "Implementation of the Declaration on granting of Independence to Colonial Countries and Peoples"

Since self-determination is the process of transition to independent political will and establishment of sovereign state, this principle brings up the issue of minority nations. The main problem was the classification of the minority nations. Since, any group can be referred to as a nation during experience.

Minority group cannot succeed either because of the failure to realize its independence or lack of grounds to become "independent". The group that demands this right, most probably, shall achieve it. They have to go through the historical development process in order to achieve the self-determination rights. In international law, it looks like a problem of recognition occurred after establishment of the state.

Issues to self-determination, in international law, are associated firstly with the thinkers like H. Grtosiy, de Vattel, J.J. Russo. Even though a long time has passed since then, there is no unanimous position on this issue. There is certain difference in the thoughts of philosophers, political scientists and lawyers about the right for self-determination, the subject of this right, its basics and legal nature. It worth mentioning that uncertainty of concept, contradiction of collected experience, administrative and political approaches cause differences in opinion.

Differences of opinions among philosophers and political scientists create different ideas about self-determination among international lawyers. One group of scientists (for example, B. Tuzmuhamedov, H. Gros, G.Espiell [1] etc) think that, self-determination is an imperative (*jus cogens*) norm of international law, others (for example, J.Crawford [2], A.Cassese [3], R.Emerson [4], M.Şou [5] etc) claim that, self-determination can be recognized by following certain conditions and other legal standards.

Another common idea is that the self-determination has negative aspects in international arena, and is related to political and ethical principles including separatism trends. Existence of such position is related to the uncertainty of scope of the relevant law. Many lawyers (R.Emerson [6], A.İdovn [7], J.Verzili, N.Glazer, C.Elden [8], A.Etzioni, B.Hendrix [9]) suggest that, the scope and framework of this right (principle) is uncertain. Especially, in the case of separatism and ethnic conflicts (for example, Armenian community in the Republic of Azerbaijan, Russian minority in Moldova – course author), claiming this principle groundlessly and granting self-determination right to minorities have resulted in negative thoughts about this right, because of breakup of territories. UN expert on minorities A. Eyde notes that international documents call for self-determination idea in uncertain way. Therefore, it is misinterpreted with regard to uncertainty of self-determination and security of the countries.

When self-determination is manifested in the foreign form, it creates new and uncertain problems for international security. In this sense, any group who wants to use self-determination principle, shall respect sovereignty of the country. Resolution number 2625 of the UN General Assembly states that, sovereignty of the state prevails over breakup and separation of nation or country.

International law ties self-determination right and equality of nations' rights. In this regard, when self-determination is realized, the rights of other nations, peoples and groups shall be respected. Vienne Declaration about Human Rights as of 25 June, 1993 and Action Program recognized the right for self-determination and after declaring that UN Resolution is rightful, mention that it shall not be interpreted as an action aimed at violation of territorial integrity [10]. 1970 Declaration of Principle suggests that nothing in the Declaration shall be construed as allowing or sanctioning breakup and partial

or complete violation of the territorial integrity and political unity of the government, which represents the whole nation and does not discriminate because of ethnicity, color of skin and religion, as well as respects the right for self-determination and equality of rights.

Article 6 of the Resolution 1514 describes this issue more seriously. The Article says, any effort aimed at violation of national unity or territorial integrity of the country contradicts to the objectives and principles of the United Nations Charter. Territorial integrity is included to the name "self-determination". If you pay attention, the name of the principle starts with the "Equality of rights of nations". Preamble of the Vienne Convention as of 1969 on the Law of Treaties says that member states agree on the followings taking into consideration *equality of the rights* in international law and self-determination, *sovereign equality* and independence of all sates, not interference in domestic affairs of the state, forced threat or prevention of its realization, and respecting human rights and main freedoms included in UN Charter.

In spite of all this, most international lawyers recognize self-determination rights of the nations, this right can be realized only by nations living under colonial dependence or occupation [11].

A. Eide, the director of the Norwegian Human Rights Institute, member of the UN sub-committee on protection of minorities and prevention of discrimination, says that self-determination has been adopted firstly in terms of colonial occupation [12]. Then A. Eide mentions that the right for self-determination can apply to the nations who live in occupied territories, after ratification of the UN Charter.

Certain level of exploitation shall exist in order to realize this right. Freedom movement of the group in this approach is determined not by internal qualities of the group, but rather by vagarious human rights of the aggressors.

The right for self-determination historically has applied to the people who were in the process of transformation to a nation under colonial dependence, presently is used as a guarantee system of human rights in democratic government form.

Taking into consideration democratic administration experience of European countries, Antonio Cassese comes to the certain conclusions with regard to self-determination and suggests that application of this right shall be limited to address the current problems in Europe and other regions [13].

D. Cameron mentions that newly created national states presently lose their trust in self-determination rights. Since, this principle creates secession problem, break-up threats to the states, therefore self-determination is a direct threat to sovereignty, territorial integrity and population of the states [14]. Secession is considered legal in those situations, when the state makes self-determination impossible by not creating democratic government, practicing systematic discrimination, thus massively violating human rights and not leaving any other chance for changing current situation.

Keeping in mind above-mentioned practice, a new form of realization of this right in international documents is interpreted together with efficient protection of human rights. Final document adopted by the OSCE in Paris on November 21, 1990 describes the right for self-determination in accordance

with the UN Charter and its principles, including territorial integrity principle [15]. During implementation of the right for self-determination included in final document, this right has been identified with breakup right, therefore self-determination shall be adopted together with territorial integrity.

Modern international law does not recognize break-up "right" justifying foreign aspect of self-determination. It rightfully mentions that, self-determination right of the nations has been incorporated in many international legal documents, but break-up right is not even recognized as a right. It requires determining clear distinction between break-up and self-determination of nations [16].

International law doctrine says that, break-up self-determination shall be based on reasonability, rather than on coercion. There are over 3000 nations and ethnic group in the world [17]. In such situation, it is very scary even to think about the consequences of recognition of the break-up right to international peace and security [18].

During realization of self-determination right, current international law requirements shall be observed; rights of other nations shall be respected. I. Brounline suggests that, violation of well-known norms of international laws, i.e. *jus cogens* norms, makes it impossible for international community to recognize self-determination right of the nations after its implementation. I. Brounline describes this idea by "jus ex injuria non oritur" principle and underlines that, no right can be implemented by violating other right [19].

UN General Secretary notes in his "Peace Program" that "claims by every ethnic, religious and other groups for establishment of independent state is impossible with respect to ensuring peace and security and economic development".

The demand for break-up by ethnic group and national minorities may disrupt domestic welfare of the state and cause conflicts among ethnic communities, therefore self-determination is not accepted as it is described. Keeping in mind complexity of this problem, the Report by Human and Peoples' Rights Center under Paduan University submitted to the second Helsinki Civil Assembly in Bratislava in 1992, calls for determination of directions of self-determination, including domestic and foreign directions of this right.

International documents do not determine clearly foreign and domestic directions of this right, but identify boundaries of self-determination. According to UN Charter, 1970 Declaration on international law principles of friendly relationship and cooperation, says that self-determination is:

- creation of sovereign or independent state,
- free amalgamation of one state with other independent state, or
- government method or form chosen by the people by selecting freely political status.

It is noted that, the right for self-determination applies to colonies and the territory of the colony or other none self-governed territory has a different status than the territory of the state governing it according to the Charter. As the Charter suggests, this territory with different status remains until the nations of the colony or none self-governed territory implements the right for self-determination in accordance with the Charter, especially its objectives and principles.

Indirectly foreign and political forms of self-determination and internal aspect within the existing state come to mind. Hence, foreign right for self-determination can be exercised by the nations living in colonial dependence, i.e. by a group of people of independent country, who cannot participate equally together with other people in self-determination and state management. UN experience recalls domestic self-determination as colonial emancipation. However, 1975 Helsinki Final document applies this right to whole nation and interprets domestic self-determination not only within the colonial dependence, but also within the respect to human rights context. Helsinki Final document draws a special attention to the territorial integrity principle during foreign self-determination. Further document of the OSCE prohibits mutual recognition of borders of the state and changing the borders by using force. According to the foreign self-determination aspect in international law, nations have only a free right to determine their political status. Domestic aspect of self-determination is carried out within the boundaries of the state, and stipulates only cultural, administrative and territorial autonomy [20].

Self-determination can be manifested in different directions. These directions of self-determination include: political, economic, social, cultural (humanitarian). Except for political and economic self-determination, in all other cases, self-determination appears in domestic aspect. In this case secession problem does not occur.

During political self-determination, establishment of independent state means expression of the nation's will by creating independent country [21].

Economic self-determination is expressing the will to realize free, sovereign economic activities over the natural resources and ensure equal rights in economic field and mutually beneficial cooperation [22].

In social contexts self-determination means expression of the will to self-improve life conditions by the nation and rebuild the society in social aspect [23].

Cultural self-determination implies the norms of expressing the will in different forms of culture, religion, science, and public life within the territory of the country, depending on historic, economic and social conditions [24].

We think that the above mentioned basis of self-determination shall be implemented in certain priority. This time, political self-determination shall be at the end when other legal means are not sufficient and this right shall cover only the *nation* historically inhabiting the territory. In modern period, the international relations opt for domestic or cultural self-determination, i.e. establishment democratic institutions and group representation mechanism, which allow efficient participation of all members of the society and all the groups in management of the resources and distribution, rather than political self-determination. Colonial emancipation, which was primary goal of self-determination, requires reforming the meaning of self-determination. Therefore, international law scientists have started to search for other possible forms of implementation of this right [25].

As literature states, this right presently sustains itself only by economic aspects. For example, every nation has a right to use its national resources completely or in any way desired [26].

Self-determination right is considered "legal" only when unique ethnic group exists. The group implies united economically, but differed in other aspects from other members of the community. Then, constitutional guarantees on human rights of the state apply. Living in a territory in the case of breakup and further ability to live independently shall be acceptable.

Present legal norms, including international documents on human rights (1948 Declaration on Human Rights, 1966 International Pacts) and current experience on self-determination apply only in domestic direction and to nations living in colonial dependence.

In summary regarding self-determination we can say that:

- 1) the right has a basis as international law;
- 2) applies to nations living under colonial dependence;
- 3) self-determination for minorities is related to the type of the political regime;
- 4) the right for self-determination has a collective legal content which is guarantee for individual rights;
- 5) possess different characteristics reflected in political, economic, social, cultural, religious and other content.

REFERENCES:

1. Espiel, G. The Right to Self-Determination. Implementation of United Nations Resolutions. See, UN Doc. E/CN.4/Sup.2/405/Rev.1/1980/, para.90
2. Crawford, J. The Creation of States in International Law. Oxford. apud McLellan T.G. in Kosovo, Abkhazia and the Consequences of state recognition. C.S.L.R. 2009. Volume 5. Cambridge. p.56
3. Cassese, A. Self-determination of people: A legal reappraisal. - Cambridge University Press, 1999, p.69
4. Emerson R. Self-Determination. - American Journal of International Law, 65/3:464, 1971, p.224
5. Shaw, M. "Re: Order in Council P.C. 1996-1997 of 30 September 1996", in Self-Determination in International Law: Quebec and Lessons Learned, Anne Bayefsky (ed.), 2000, p.136
6. Emerson, R. Self-Determination. - American Journal of International Law. 65/3:464 in 2004, p.224-238
7. Idowu, A.A. Revisiting the Right to Self-Determination in Modern International Law: Implications for African States European Journal of Social Sciences. Volume 6, Number 4, 2008
8. Elden, S. Contingent Sovereignty, Territorial Integrity and the Sanctity of Borders. - SAIS Review. XXVI (1). p.11-24
9. Hendrix, B.A. International law as a moral theory of state territory? Geopolitics. 2001, 6(2), p.141-162
10. Rousseau, Ch. La succession d'Etats et le droit internationale public. - P.: Pedone, 1991, (476 p.), p.225
11. Castellino, J. International law and Self-determination: The Interplay of the Politics of Territorial Possession with Formulations of Post-Colonial National Identity. - The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 2000
12. Возможные пути и средства мирного и конструктивного решения проблем, связанных с меньшинствами // Второй доклад о проделанной работе, представленный г-ном Асбьерном Эйде., Док ООН E/CN.4/Sib.2/1992/37 // Цитируется по Черниченко С.В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // Московский журнал международного права, 1996, № 4, (с. 3-21), с.15
13. Cassese, A. Self-determination of people: A legal reappraisal. - Cambridge University Press, 1999, p. 115
14. Cameron, David. Globalization And Self-Determination: Is The Nation-State Under Siege? (Routledge Studies in; 4 edition (May 26, 2006). Routledge the Modern World Economy), (353 p.) p.119-120
15. Парижская хартия для новой Европы // 21 ноября 1990 // Mode of access: <http://www.osce.org/documents/mcs/1990/11/4045_ru.pdf>. Date of access: 10.04.2010.
16. Решетов, Ю.А. Право на самоопределение и отделение // Московский журнал международного права, 1994, № 1, (с. 3-20), с.3
17. Minahan, James. Encyclopedia of the Stateless Nations Ethnic and National Groups around the World // цитируется в «Право на независимость. Юридический ликбез» // Режим доступа: <<http://www.washprofile.org/?q=ru/node/7415>>. Дата доступа: 02.02.2010.
18. Морозов, Ю., Лутовинов, В. Этносепаратизм как угроза национальной, региональной и глобальной безопасности // Режим доступа: <<http://www.voskres.ru/army/publicist/chuma.htm>>. Дата доступа: 29.01.2010.
19. Броунли, Я. Международное право. В 2-х книгах. Кн. 1. Под ред.: Тункин, Г.И. Пер.: Андрианов С.Н // Москва: Прогресс, 1977, - (535 с.), с.137; Brownlie I., Principles of Public International law. 5th edition. Oxford 1998

20. Hannum, H., Richard B. Lillich. The Concept of Autonomy in International Law, Volume 4, No.74, October, 1980
21. Hannum, H., Richard B. Lillich. The Concept of Autonomy in International Law, Volume 4, No.74, October, 1980; Simpson G.J. The Diffusion of Sovereignty: Self-determination in the Post-colonial Age, in 32 Stanford Journal of International Law, 1996; Frowein J.A. Self-determination as a Limit to Obligations under International Law, in Modern Law of Self-determination. 1996
22. Carty, A. From the Right to Economic Self-Determination to the Right to Development: A Crisis in Legal Theory, cited in Law and Development 265, Anthony Carty edition, 1992; Кузнецов В.И. Октябрь и международное право // Международная жизнь. - Москва. 1997, № 11-12, с.94
23. Hannum, H. Autonomy, Sovereignty and Self-Determination (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996.) (552 p.) p.172; Bierstecker, T.J. and Weber C. (eds.) State Sovereignty as Social Construct. Cambridge, Cambridge University Press, 1996
24. Кноп, К. Diversity and Self-Determination in International Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002
25. Castellino, J. International Law and Self-Determination: The Interplay of the Politics of Territorial Possession with Formulations of Post Colonial 'National' Identity. - The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 2000
26. Кузнецов, В.И. Октябрь и международное право // Международная жизнь. (Москва) 1997, № 11-12, с.94

Установление права на самоопределение, понятие и направления

д.ф.ю.н. Гадир Халилов
докторант Бакинского Государственного Университета
Tel: +994 55 277 77 60
E-mail: gadirkhalilov@yahoo.com

В статье рассматривается вопрос права народов на самоопределение, соответствие принципам международного права и национального законодательства. В отношении понятия самоопределения различаются исторические и современные направления. Исследуется взаимосвязь между правом на самоопределение и другими принципами международного права. Различаются критерии реализации этого права. При использовании этих направлений уделяется место местному самоуправлению и предлагаются рекомендации и предложения в законодательство.

Concept, directions, and establishment of the law of self-determination.

The article is devoted to the development of the law to self-determination, international and domestic legal basis of its establishment. Its history and modern trends are distinguished in approach to the concept of self-determination. Interaction to the law of self-determination with other principles of international law is investigated. Implementation criteria of this law are differentiated. The implementation of its directions is given areas to the local self-government body and proposals and recommendations for legislation are given in this area.

Ключевые слова: самоопределение, международное право, международные документы, национальное законодательство, политические решения, ООН, Совет Европы, ОБСЕ, этнических меньшинства, регионы, национальные интересы, этнические группы, этнические меньшинства, суверенитет, права человека, коренные народы

Keywords: Self-determination, international law, international instruments, national legislation, political decisions, UN, Council of Europe, OSCE, ethnic minorities, regions, national interests, ethnic groups, ethnic minorities, sovereignty, human rights, indigenous peoples

Айсель АББАСЛЫ,
доктор философии по праву,
преподаватель кафедры Гражданский
процесс и коммерческое право
Бакинского государственного университета
(Азербайджан)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В условиях построения правового государства Конституция рассматривается как основной закон, обладающий высшей юридической силой, имеющий прямое действие и определяющий основные направления развития всех отраслей права.

Конституция образует фундамент всей системы права. Составляя фундамент, ядро системы права, Конституция действует не изолированно, а в рамках этой системы. Конституция – составная часть и центральное звено, главный структурообразующий элемент системы права, её основной правовой источник. Значение конституции проявляется и в том, что она устанавливает исходные начала функционирования всей системы права и одновременно входит в систему каждой отрасли права и законодательства как базовый источник [16, с.24].

Конституция является своеобразной конструкцией, на которой основывается все законодательство. Развитие законодательства вне параметров, закрепленных в Конституции, не имеет смысла. Это выступает главным условием его единства и внутреннего согласования. Реализация положений Конституции самостоятельно разными путями и посредством текущих законодательных актов не противоречит мнению о ее природе, как о праве, имеющем прямое действие, и выражает только особенности ее осуществления [10, с. 79].

В отличие от других отраслей права, предметы регулирования которых отличаются друг от друга, предметом конституционного права выступают отношения, объединяющие в себе предмет регулирования всех других отраслей права. Комплексное развитие всех отраслей права на основе конституции создает благоприятные условия и гарантию для формирования демократического правового государства, поднятию уровня обеспеченности прав и свобод человека и гражданина, укрепления законности и правопорядка.

Одним из самых преимущественных и отличительных свойств этого важного документа является то, что в его положениях целостно и в единстве отражаются и взаимно дополняют друг-друга все, предоставленные людям государством и обществом, а также всевозможные доверенные членами общества права, свободы и обязанности. Другим преимущественным и отличительным свойством Конституции является то, что в ней не закреплено конкретное положение об общественном строе, не определены никакие пределы, ограничивающие форму и развитие экономических отношений. Это обеспечивает свободу человека и самостоятельность его действий в экономической сфере [13].

Как и в других странах с экономикой переходного типа таких, как Албания, Беларусь, Болгария, Венгрия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва, Молдова, Польша, Россия, Румыния, Таджикистан, Туркмения, Украина, Узбекистан и т.д., в Азербайджанской Республике формирование совершенной базы, регулирующей отношения в экономической сфере, постоянное систематическое усовершенствование законодательства на основании научно-выработанных концепций, в соответствии с быстрыми изменениями в экономической жизни общества, является необходимым условием экономического прогресса [2, с.53-54]. В условиях перехода к рыночной экономике имущественные отношения, объединяющие в себе право владения, пользования и распоряжения имуществом, являющимся основой реализации всех общественных отношений, регулируются Конституцией Азербайджанской Республики, основываясь на всех общечеловеческих ценностях. Здесь заложена основа дальнейшего развития национальной экономики как живого организма, определены его основные направления и принципы [3].

К общим конституционным принципам рыночной экономики можно отнести принципы правового

государства, демократии, разделения властей, равенства перед законом и судом, социальной направленности рыночной экономики, к специальным конституционным принципам – принцип свободы экономической деятельности, неприкосновенность собственности, поддержка добросовестной конкуренции и т.д..

Современные конституции большинства государств содержат множество норм, регулирующих отношения в сфере экономики. Это обусловило появление в научном обиходе понятия "экономическая конституция". Это понятие выражает совокупность конституционных положений, связанных единым предметом – отношениями, возникающими в сфере экономики. Сюда можно отнести принципы свободы экономической деятельности, свободу труда, многообразие форм собственности, защиту конкуренции и т. д.

Нормальная реализация экономических законов рынка немислима без закрепления в положениях конституции таких принципов, как свобода договора, свобода экономической деятельности, неприкосновенность собственности, свобода передвижения и других.

Предпринимательская деятельность является частью более широкого понятия – экономической деятельности. Согласно ст. 15 Конституции Азербайджанской Республики, в Азербайджанской Республике развитие экономики, основанной на различных видах собственности, служит повышению благосостояния народа. Азербайджанское государство на основе рыночных отношений создает условия для развития экономики, гарантирует свободу предпринимательства, не допускает монополизм и недобросовестную конкуренцию в экономических отношениях [8].

Анализ ст. 15 Конституции Азербайджанской Республики позволяет сделать вывод о том, что к конституционным принципам экономического развития и экономической деятельности относятся:

- разнообразие видов собственности;
- повышение благосостояния народа;
- развитие экономики социальной направленности на основе рыночных отношений;
- гарантия свободы предпринимательства;
- недопущение монополизма в экономических отношениях;
- недопущение недобросовестной конкуренции в экономических отношениях.

Конституционные принципы экономической деятельности играют большую роль при применении судами законов, направленных на регулирование предпринимательской деятельности. Так, противоречия, сложные и неясные положения этих законов устраняются, руководствуясь конституционными принципами.

Р.Ю. Мамедов, определяя принципы предпринимательского права как основные начала, распространяющиеся на весь комплекс правовых норм, обеспечивающих регулирование предпринимательской деятельности, предлагает следующую классификацию этих принципов:

1. Принцип свободного предпринимательства.
2. Принцип единого экономического пространства.

3. Принцип государственного регулирования предпринимательской деятельности.

4. Принцип защиты от монополии и поддержания конкуренции.

5. Принцип законности [11, с. 35-39].

Как у важной социально-экономической и правовой категории, у предпринимательской деятельности также сформировались конституционно-правовые основы. Довольно широкое распространение в правовой литературе получил термин «конституционные основы». Следует отметить, что среди ученых-правоведов нет единого мнения по поводу определения понятия данного термина. В юридической литературе конституционные основы определяются как: основные принципы государства; конституционные нормы, выступающие в качестве основы для текущего законодательства; принципы и нормы, закрепленные в Конституции и т. д. [12, с. 15; 15, с. 30; 14]

Конституционные основы предпринимательской деятельности можно определить как закрепленные на конституционном уровне руководящие положения, первоначальные и необходимые требования, определяющие направления развития правовых предписаний в сфере предпринимательства.

Иными словами, это – основополагающие конституционные нормы, которые формируют необходимые предпосылки для предпринимательской деятельности, определяют содержание, условия и порядок ее осуществления и обеспечивают право на предпринимательскую деятельность соответствующими гарантиями. Эти конституционные нормы выражают определенные концепции правового регулирования, закрепляют конституционные принципы, определяют правовой статус предпринимателя, включающий его права, обязанности, ответственность, свободы и интересы, а также устанавливают их гарантии [7].

Конституционно-правовое воздействие на предпринимательские отношения выражается, во-первых, в выделении комплексного межотраслевого нормативного массива, необходимого и достаточного для регулирования предпринимательских отношений, во-вторых, в определении единых целей, принципов, ценностей для всех отраслей, регулирующих предпринимательские отношения, в-третьих, в согласовании правотворческих и правоприменительных норм разных отраслей, задействованных в регулировании предпринимательских отношений, устранении противоречий между ними. Такое согласование достигается, в частности, за счет уточнения предмета правового регулирования разных отраслей права и четкого разграничения сфер их регулирования [4].

Представляется важным затронуть вопрос конституционного обоснования законодательства о предпринимательской деятельности. Так, на стадии разработки проекта любой законодательный акт о предпринимательской деятельности сначала подвергается проверке на предмет соответствия Конституции. Конституционное обоснование законодательных актов о предпринимательской деятельности наряду с выяснением наличия в них норм, противоречащих Конституции, на основе правовой экспертизы проектов этих актов,

предусматривает также внесение в содержание данных актов конституционных положений, связанных с предпринимательской и экономической деятельностью.

Как видно из содержания статьи 59 Конституции, государство создает и гарантирует каждому возможность заниматься предпринимательской деятельностью в условиях, не запрещенных законом. Этой статьей экономическая деятельность каждого в сфере предпринимательской деятельности характеризуется проявлением его личной свободы и выражает принцип свободной экономической деятельности. Термин «каждый», употребленный в статье, подразумевает несколько категорий субъектов, имеющих право заниматься экономической деятельностью: граждан, иностранцев, лиц без гражданства, лиц с двойным гражданством, юридических лиц и других.

Статья 59 Конституции Азербайджанской Республики отражает в себе частные и публичные нормы, т.е. с одной стороны, нормы о свободе предпринимательства, с другой – нормы о государственном регулировании предпринимательской деятельности. Личные интересы предпринимателя могут входить в противоречие с интересами государства. Например, свобода предпринимательства может противоречить безопасности государства. Поэтому возникает необходимость государственного регулирования предпринимательства. Конституционные нормы выражают не только частные, но и общественные интересы. Возможностью несовпадения частных интересов предпринимателей с публичными продиктована необходимость включения в Конституцию положений, определяющих пределы основных экономических прав.

Конституционный Суд Азербайджанской Республики в своем решении от 20 сентября 2004 года относительно содержания ст. 59 Конституции (Право на свободу предпринимательства) отметил, что эта статья принимает экономическую деятельность каждого проявлением его личной свободы в сфере предпринимательской деятельности и развивает принцип свободной экономической деятельности.

В конституционно-правовом смысле предпринимательская деятельность является формой реализации возможностей любого лица, причем эти возможности связаны с применением личных способностей, а также имущества этого лица. Конституционная норма гласит, что такое использование должно быть свободным. Поэтому можно утверждать, что инициатива в осуществлении предпринимательской деятельности должна исходить от самого субъекта и пределы этой свободы могут устанавливаться только законом.

Право на предпринимательство – одно из равноценных полномочий конституционного статуса лица и форма выражения экономической свободы. Своеобразной

особенностью данного права является его органическая связь с правом частной собственности по отношению к другим статусным элементам, в значительной мере определяющая специфику предпринимательских правомочий [9, с. 286-287; 5].

Свобода предпринимательской деятельности выражается:

- в свободе распоряжаться способностями к труду, проявляющейся в свободе выбора рода деятельности, профессии, занятости и места работы (ч. II ст. 35 Конституции АР);

- в свободе от недобросовестной конкуренции и монопольной деятельности (ч. II ст. 15 Конституции АР);

- в общей свободе совершать действия, не запрещенные законом, и недопустимости принуждения к совершению действий, не предусмотренных законом (ч. IX ст. 71 Конституции АР) [8].

В юридической литературе отмечается двойственная природа права на свободное предпринимательство. Здесь проявляются как публично-правовые, так и частноправовые особенности. Норма, определяющая объем гарантируемой экономической свободы, относится к сфере отношений между государством и индивидом (вертикальные отношения). В силу того, что данная норма имеет генетическую связь с частноправовыми нормами гражданского законодательства, она может действовать и в сфере частных (горизонтальных) отношений [6].

Предпринимательство является формой реализации способностей субъекта права, в том числе и формой использования его имущества. Как известно, использование является одной из форм реализации права. В теории права реализация права определяется как претворение, трансформация права в жизнь, реальное воплощение содержания юридических норм в фактическом поведении субъектов [1, с.114].

Подводя итог, отметим, что конституционные принципы и нормы, в сфере экономической деятельности образуя основу правовой инфраструктуры современной экономики, способствуют эффективной защите участниками предпринимательской деятельности своих прав и свобод. Конституция определяет главные гарантии прав и интересов предпринимателей при осуществлении ими предпринимательской деятельности, основные принципы правового регулирования. Конституция Азербайджанской Республики, основываясь на концепции рыночной экономики социальной направленности, закрепляет такие основные права и свободы гражданина, как право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности, свободу выбора вида деятельности, право на свободное передвижение и выбор места жительства, на интеллектуальную собственность и другие.

Список использованной литературы

1. Алексеев, С. С. Право. Опыт комплексного исследования. - Москва: Статут, 1999. - 712 с.
2. Aslanov, S. X. Sahibkarlıq hüququ. - Bakı: Digesta, 2013. - 559 s.
3. Aslanov, S. X. Konstitusiyamızın təkmilləşdirilməsi mühüm və labüd prosesdir // Respublika, 2009, 8 mart, № 54 (3482)
4. Белых, С. В. Конституционные основы предпринимательской деятельности: понятие и содержание / http://www.ruzh.org/rlj/2009/2009_4/DJVVU/1907.pdf
5. Ковалевский, М.А. Конституционно-правовой режим имущества предпринимателя // Кодекс-инфо, 2000, № 5-7
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д.Зорькина, Л.В.Лазарева. - Москва: Эксмо, 2010. - 1056 с.
7. Конституционные основы предпринимательства / http://www.e-reading.club/chapter.php/97780/4/medencov_-_shpargalka_po_predprinimatel'skomu_pravu.html
8. Конституция Азербайджанской Республики: <http://ru.president.az/azerbaijan/constitution>
9. Крусс, В. И. Право на предпринимательскую деятельность. - Москва: Юристь, 2003. - 671 с.
10. Лучин, В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. - Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. - 687 с.
11. Мəmmədov, R. Y. Kommersiya (sahibkarlıq) hüququ. Ümumi hissə. Dərs vəsaiti. I cild. - Bakı: Arostroff, 2015. - 512 s.
12. Миняев, А. О. Конституционные основы экологического права: Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. - Москва, 2003. - 200 с.
13. Novruzov, S. Müasir Azərbaycan Konstitusiyası: insan hüquqlarının əsas təminatçısı və dövlətçiliyin hüquqi təməli / <http://sia.az/ru/news/economy/375484-muasir-azerbaycan-konstitusiyasi-insan-huquqlarinin-esas-teminatcisi-ve-dovletciliyin-huquqi-temeli>
14. Ровинский, Е. А. Основные вопросы теории советского финансового права. - Москва: Госюриздат, 1960. - 193 с.
15. Финансовое право: Учебник / Под ред. Проф. О. Н. Горбуновой. - Москва: Юристь, 1996. - 400 с.
16. Чиркин, В.Е., Основы государственной власти. - Москва: Юристь, 2003. - 112 с.

Sahibkarlıq fəaliyyətinin konstitusion-hüquqi əsasları

Təqdim olunmuş məqalədə müəllif sahibkarlıq fəaliyyətinin Konstitusiyada öz əksini tapmış hüquqi əsaslarını təhlil edir. Sahibkarlıq fəaliyyətinə aid olan azad sahibkarlıq fəaliyyəti prinsipi, vahid iqtisadi məkan prinsipi, sahibkarlıq fəaliyyətinin dövlət tənzimlənməsi prinsipi, inhisarlardan müdafiə və rəqabət prinsipi və s. kimi mühim prinsiplər nəzərdən keçirilir.

Constitutional-legal basis of business activity

The author analyses constitutional-legal framework of business activity in current article. She reviews such main constitutional principles as free enterprise, common economic space, fare competition, prevention of monopolies, etc.

Гасан АЛИЕВ,

докторант Академии Государственного управления
при Президенте Азербайджанской Республики

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Становление конституционализма – исторический процесс, через который за последние четверть века пришлось пройти новым независимым государствам Восточной Европы и бывшего СССР. При этом процесс государственного строительства и интеграции молодых государств в мировое сообщество предполагает создание трех указанных нами выше компонентов конституционализма: 1) Конституции государства и системы законодательных актов, принятых в ее развитие; 2) системы политических и публично-правовых институтов, цель которых - обеспечить реализацию конституционных и других правовых норм (верховенство права, народный суверенитет, разделение властей, парламент, независимая судебная система, конституционный контроль и др.); 3) системы социальных институтов, направленных на создание гражданского общества, правового государства и закрепление этих принципов в основных законах государства и практике их реализации.

Остановимся на их рассмотрении.

Принятие конституций и соответствующих законодательных актов в процессе государственного строительства. Распад системы социализма, социалистических государств (Союза ССР, Чехословакии, Югославии) привел к образованию **правового вакуума**, когда вновь образованные государства не имели своей законодательной базы, а законодательство распавшихся государств, как бы, уже не имело юридической силы. Новым государствам предстояло создать свою новую систему законодательства, необходимую для функционирования государства и общества, практически с нуля, и при этом, основана она должна была быть на опыте западной демократии, накопленном веками. Если учесть не исчезнувшее давление социалистической психологии, отсутствие специалистов-правоведов с европейским

образованием, экономическую, политическую ситуацию, а в случае исследуемых нами стран и наличие этно-территориальных конфликтов, то задача стояла не из легких.

Поэтому принятие Конституций Молдовы и Азербайджана соответственно в 1994 и 1995 годах [См.: 2; 1] явилось переломным этапом в формировании гражданского общества и правового государства в этих странах. Они предопределили системный подход в работе над созданием соответствующих правовых систем, стремление стран на построение демократического, правового и светского государства. Преамбула Конституции Азербайджана провозглашает одной из основных задач общественного развития утверждение в Азербайджане гражданского общества и правового государства [См.: 1]. В свою очередь Конституция Молдовы признает правовое государство и гражданский мир высшими ценностями [См.: 2].

Вопрос принятия Конституции Азербайджанской Республики регламентирован как в самом Основном Законе, так и в Конституционном акте «О государственной независимости Азербайджанской Республики» от 18 октября 1991 года [См.: 3]. Способом принятия Конституции является референдум, порядок проведения которого регулируется в настоящее время законом от 30 декабря 1997 года «О референдуме» [См.: 4].

Для этого 2 мая 1995 года Милли Меджлисом была создана специальная комиссия из 33 человек под руководством президента Гейдара Алиева для подготовки проекта первой Конституции независимого Азербайджана. В состав Комиссии и ее рабочей группы были включены представители всех трех ветвей власти и юридической

науки. Проект документа, состоявший из 199 статей, был вынесен на всенародное обсуждение 15 октября 1995 года. До 4 ноября в Комиссию поступило 2450 предложений по проекту, часть которых была Комиссией учтена, и на голосование был вынесен проект, состоящий из пяти разделов, 12 глав и 158 статей. После принятия в ходе всенародного голосования (референдума) 12 ноября 1995 года была принята первая Конституция независимого Азербайджана. С того дня 12 ноября отмечается в Азербайджане как День Конституции. Конституция вступила в силу 27 ноября.

Первая Конституция независимого Азербайджана заложила правовые основы государственного строительства Азербайджанской Республики. Как демократическое, правовое, светское государство Азербайджан впервые избрал приоритет прав человека и разделение властей в качестве пути своего будущего развития.

Первые дополнения и изменения в Конституцию были внесены в ходе референдума 24 августа 2002 года, затем - 18 марта 2009 года. В 2002 году было внесено 31 дополнение и изменение в 22 статьи Конституции.

18 марта 2009 года внесено 41 дополнение и изменение в 29 статей Конституции. На референдум было вынесено 29 вопросов, которые можно классифицировать по 4 группам: 1) вопросы, связанные с правами человека; 2) вопросы, связанные с регламентацией ветвей власти, в том числе судебной; 3) вопросы, связанные с регламентацией деятельности муниципалитетов; 4) вопросы, связанные с терминологическими изменениями. Обсуждая вносимые изменения в Конституцию, судья Конституционного суда Бельгии Жан-Поль Мурман сказал, что «Азербайджан осуществляет демократические преобразования. Предлагаемые изменения в Конституцию послужат дальнейшему развитию страны. Вопросы, выносимые на референдум, сформулированы ясно и четко. Эти изменения будут способствовать позитивным изменениям в жизни Азербайджана и гарантировать стабильную работу законов. Устойчивость власти сохранит стабильность страны» [См.: 12]. В небольшом высказывании видного юриста мы видим соотношение и степень важности для государства важнейших компонентов конституционализма.

26 сентября 2016 года путем [всенародного голосования](#) были приняты новые поправки в Конституцию. Теперь в Азербайджане учреждена должность вице-президента страны, президентский срок увеличен с 5 до 7 лет, Президент наделен правом распускать Милли Меджлис (Национальное Собрание) и т.д.

Подавляющее большинство авторов в науке конституционного права различают *юридическую и фактическую конституции*. *Юридическая конституция* представляет собой нормативный документ или их совокупность, предписывающие то, что должно быть. Это - Основной закон государства и общества, нормы которого регламентируют важнейшие общественные отношения, связанные с осуществлением государственной власти:

правовым положением личности, формой правления и государственного устройства, системой государственных органов, порядком их формирования, взаимоотношения между собой, компетенции. *Фактическая же конституция* – это те отношения, которые существуют в действительности, *de facto*. Поэтому справедливо мнение, что любая конституция представляет собой «результат исторического развития конституционной мысли, конституционной теории и практики, а также международного права» [См.: 5, с.3].

В корпус актов, принятие которых необходимо в процессе становления конституционализма, входят, прежде всего, конституции, кодексы, правовые акты, регулирующие отношения собственности, власти, структуру и функции важнейших государственных институтов.

Принцип верховенства права. Ключевым в этом вопросе, на наш взгляд, является понимание различия между принципом верховенства (господства права) и правления на основе права. Верховенство права предполагает, по словам Грэга Рассела, «обращение к высшим стандартам закона и справедливости, понимаемым скорее в высшем и всеобщем смысле, чем с точки зрения простых смертных или закона, установленного современными политиками» [См.: 6].

В Преамбуле Конституции Азербайджана зафиксировано намерение Народа Азербайджана построить правовое, светское государство, обеспечивающее верховенство законов как выражение воли народа [См.: 1]. Именно положение о том, что законы и содержащиеся в них нормы – есть воля народа, является краеугольным камнем этого принципа. Верховенство права – это верховенство воли народа. Нет ничего выше воли народа, создавшего государство для достижения своих целей.

Аналогичные положения содержатся в Конституции Молдовы, которая признавая в Преамбуле правовое государство, демократию, достоинство человека, его права и свободы высшими ценностями, провозглашает в ст. 1 основного закона Республику Молдова - демократическим правовым государством, в котором достоинство человека, его права и свободы являются высшими ценностями и гарантируются [См.: 2].

Народный суверенитет. В конституциях Азербайджана и Молдовы вторые статьи посвящены суверенитету народа. Конституция Азербайджана в качестве суверенного права народа закрепляет возможность свободно и независимо определять свою судьбу и учреждать свою форму правления. «Народ Азербайджана осуществляет свое суверенное право непосредственно путем всенародного голосования – референдума и посредством своих представителей, избранных на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права путем свободного, тайного и личного голосования» [См.: 1, ст. 2]. А Конституция Молдовы устанавливает, что «национальный суверенитет принадлежит народу Республики Молдова, осуществляющему его непосредственно и через свои представительные органы в формах, определенных Конституцией» [См.: 2, ст. 2].

Народный суверенитет следует отличать от суверенитета государства. Суверенитет государства является лишь свойством государства, а ни в коей мере основанием его властных полномочий. Государство и государственная власть возникают лишь на основе суверенных прав народа и получают полномочия лишь в пределах, определяемых народом в соответствии с существующей в обществе демократической процедурой. В работе «Конституционное право. Общая теория государства» Леон Дюги отмечал: «Суверенитет один. Таковы именно выражения ст.1 введения титула III Конституции 1791 г., ст. 25 Декларации 1793 г. Это значит, что на одной и той же территории может существовать лишь один суверенитет и что одно и то же лицо может быть подчинено только одному суверенитету. Суверенитет неделим. Принцип неделимости суверенитета был провозглашен Ж.Ж.Руссо в Общественном договоре; в кн. III, гл. II, на том основании, что суверенитет является не чем иным, как волею коллективного лица: всякая воля нераздельна, как и само лицо, служащее ее основой. Он писал также о том, что суверенитет неотчуждаем и непогашаем» [См.: 7, с. 168]. А это значит, что ни власть, ни олицетворяющие ее органы государства не являются носителями суверенитета, поскольку он является свойством государства. Народ формирует и реализует свои интересы через систему органов власти. Но применительно к отдельным органам мы можем говорить только лишь об объеме полномочий.

Разделение властей. Являясь одним из основополагающих принципов конституционализма, данный принцип закреплен в части III статьи 7 Конституции Азербайджана и в статье 6 Конституции Молдовы. Эти положения конституций являются важнейшими гарантиями против узурпации власти, а также против произвола, беззакония и нарушения прав человека, которые могут иметь место в результате подобной узурпации. При этом, если Конституция Азербайджана дает исчерпывающий перечень «органов, осуществляющих государственную власть, т. е. органов, в деятельности которых непосредственно реализуется государственный суверенитет» [См.: 8, с. 28], то в указанной статье основного закона Молдовы говорится лишь о разделении законодательной, исполнительной и судебной властей и их «взаимодействии при осуществлении своих прерогатив в соответствии с положениями Конституции» [См.: 2, ст. 6]. Конституции дают официальные названия и полномочия всех высших органов государственной власти, а все другие государственные органы являются производными от них.

Разделение властей, как в Азербайджане, так и в Молдове осуществлено в соответствии с традиционными представлениями о ветвях власти, а имеющиеся различия предопределены формой правления: президентская республика - в Азербайджане и парламентская республика - в Молдове. Законодательная власть осуществляется Парламентами, (в Азербайджанской Республике он называется Милли Меджлис (Национальное Собрание)). В конституциях достаточно подробно регламентируется их компетенция, основные принципы организации и деятельности [См.: 1, раздел III, глава V, ст.ст. 81-98; 2,

раздел III, глава IV, ст.ст. 60-76]. Существенно различается организация исполнительной власти. Если в Республике Молдова Президент является лишь главой государства [2, ст. 77], то в Азербайджане, помимо этого, президенту принадлежит исполнительная власть [1, ст. 99]. Кабинет Министров (Правительство) Азербайджанской Республики подчиняется Президенту и ему подотчетен [1, ст. 114]. Принципиально различается в основных законах место конституционного суда. Если в Азербайджане он включен в судебную систему [См.: 1, глава VII «Судебная власть», ст.ст. 125-133], то в Молдове, наоборот, конституционный суд выведен вообще за пределы положений, регулирующих публичные власти страны, и ему посвящен отдельный раздел [См.: 2, раздел V «Конституционный суд», ст.ст. 134-140]. Статус конституционного органа в Молдове получил Высший совет магистратуры [2, ст.ст. 122-123], в Конституции же Азербайджана Высший судебно-правовой совет не упоминается.

Вышеуказанные конституционные нормы представляют собой по сути своей механизм взаимоконтроля всех ветвей власти, предохраняющих друг друга от злоупотреблений, стремления к диктатуре, тирании. В науке конституционного права совокупность этих норм получила название «системы сдержек и противовесов» («checks and balances»). Подобные системы существуют в конституциях всех демократических либо стремящихся к демократии государств с различными модификациями.

Парламент

Органы законодательной власти Азербайджана и Молдовы построены в соответствии с концепцией, сложившейся еще в XVIII-XIX вв. В соответствии с ней, французский классик конституционного права Леон Дюги пишет, что суть парламента как органа народного представительства, может быть изложена как совокупность нижеследующих принципов: 1) национальное (народное) представительство учреждается конституцией; 2) нация (народ), как носитель суверенитета уполномочивает парламент осуществлять от его имени законодательную власть (нередко в литературе указывается на уполномочие осуществлять суверенитет, но это, по крайней мере, неточно); 3) с этой целью нация (народ) избирает в парламент своих представителей – депутатов, сенаторов и т.п.; 4) член парламента является представителем всей нации (народа), а не только тех, кто его избрал, и поэтому не зависит от избирателей, не может быть ими отозван. При этом следует иметь в виду, что отношения представительства по изложенной конструкции имеют место между нацией в целом и парламентом в целом [См.: 7, с. 416; <http://pravoznavec.com.ua/books/92/5229/25/>].

Другой французский конституционалист Марсель Прело писал по этому поводу: «Волеизъявление избирателя ограничивается выбором того или иного лица и не оказывает никакого влияния на положение избранного. Оно определяется только конституцией и законами... Избранное лицо, непосредственно и свободно творящее волю нации, обладает полной независимостью» [См.: 9, с. 436; <http://pravoznavec.com.ua/books/92/5229/25/>].

Именно в этом суть преобразования парламентов постсоветских стран. Депутат парламента в соответствии с социалистической концепцией народного представительства являлся представителем, прежде всего, своих избирателей, чьи наказы для него были обязательны и которые были вправе в любое время его отозвать. Другое преобразование заключается в том, что сегодня парламенты Азербайджана и Молдовы не являются высшим руководящим звеном для других представительных органов, какими были Верховные Советы этих стран по отношению к системе местных Советов народных депутатов в Советском Союзе. Парламенты независимых демократических Азербайджана и Молдовы, тем не менее, играют ведущую роль в политической системе и конституционном механизме своих стран, основанных на самостоятельности всех представительных органов и вертикальном разделении властей.

Парламент Молдовы и Милли Меджлис Азербайджана являются однопалатными законодательными органами. Их основной функцией является законотворчество, а это означает, что кроме них никто не имеет право издавать законы. В то же время законотворчество – это и исключительное право, которое определяет особую роль парламента в осуществлении государственной власти, в конституционализме государства.

Парламентам Молдовы и Азербайджана присуща функция контроля за деятельностью исполнительной власти. У Парламента Молдовы, как и предполагается в парламентской республике, эта функция шире. Конституция Молдовы прямо закрепляет эту функцию [2, п. «f» ст.66], а азербайджанская конституция, напрямую не называя эту функцию, предусмотрела полномочия парламента, направленные на ее осуществление. Так, в соответствии со ст. 95 Милли Меджлис утверждает бюджет страны и осуществляет контроль за его исполнением, ратифицирует и денонсирует международные договора, решает вопрос о доверии Кабинету Министров, отстраняет от должности в порядке импичмента Президента страны по представлению Конституционного Суда (также и ст.107) и др. Аналогичные положения содержит и основной закон Молдовы (См.: 2, п.п. «g» и «h» ст.66).

В то же время в статьях 104-106 Конституции Молдовы предусмотрены механизмы, обеспечивающие парламентский контроль за правительством. Так, Правительство несет ответственность перед Парламентом и предоставляет Парламенту, его комиссиям и депутатам необходимую информацию и документы. Члены Правительства имеют доступ на заседания Парламента. Но в случае необходимости присутствие членов Правительства обязательно. Правительство и каждый член Правительства обязаны давать ответы на вопросы и запросы депутатов. Парламент может принять резолюцию, отражающую его позицию по предмету запроса. Парламент по предложению не менее одной четверти депутатов может выразить недоверие Правительству большинством голосов депутатов. Предложение о выражении недоверия

рассматривается по прошествии трех дней со дня внесения в Парламент [2].

Парламент Республики Молдова состоит из 101 депутата и избирается на 4 года по пропорциональной избирательной системе на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном и свободном голосовании [См.: 2, ст. 61]. Милли Меджлис Азербайджанской Республики состоит из 125 депутатов и избирается на 5 лет по мажоритарной системе и всеобщих, равных и прямых выборов путем свободного, личного и тайного голосования [См.: 1, ст. 83]. Ознакомление с практикой работы парламентов показывает, что не очень большой по численности парламент становится более работоспособным. Однако в то же время небольшой депутатский состав делает актуальной проблему обеспечения «кворума» пленарных заседаний и заседаний комитетов, с учетом активной международной деятельности парламента (имеются в виде командировки депутатов). В то же время чрезмерное уменьшение числа депутатских мест в парламент приводит к укрупнению одномандатных избирательных округов. Поэтому **выбор оптимального численного состава парламента – превращается в важный фактор его эффективной деятельности.**

Независимая судебная система

Судебная власть как неотъемлемая часть цивилизованного общества – это самостоятельная и независимая ветвь государственной власти, которая эффективна лишь в контексте реального разделения властей, исключающем излишнюю концентрацию отдельной власти и гарантирующем гражданам подлинную свободу. Становление судебной власти как результат развития демократии – сознательное самоограничение государства, допускающего контроль над собой со стороны независимого органа – суда.

Конституция Азербайджана закрепила также основные принципы осуществления правосудия, а именно – руководства судей в своей деятельности Конституцией и законами Азербайджанской Республики, состязательности, гласности, непосредственности и устности судопроизводства (ч. ч. V-VII ст.127), равенства граждан перед законом и судом (ч. IV ст.127), обеспечения права на защиту (ч. VIII ст.127), презумпции невиновности (ч. IX ст.127), недопустимости изменения судебной юрисдикции, независимости судей и их подчинения только закону, беспристрастности и справедливости (ч. I и II ст.127). Эти принципы легли в основу интенсивно проводимой в Азербайджане судебно-правовой реформы. Конституция Молдовы закрепляет аналогичные принципы: гласности судопроизводства (ст. 117); равенство граждан перед законом и властями (ст.16); обеспечения права на защиту (ст. 26); презумпции невиновности (ст.21); независимости, беспристрастности и несменяемости судей (ст.116) и др.

Указом Президента Азербайджана в феврале 1996 года была создана Комиссия по правовой реформе, в состав которой вошли видные специалисты в области юриспруденции, ученые-юристы, судьи, сотрудники правоохранительных органов. На основе разработанной ими Концепции судебно-правовой реформы был

подготовлен и принят ряд законов, определяющих и закрепляющих судебную власть, как независимую и эффективную систему. К их числу относятся, в первую очередь, закон О Конституционном суде, О судах и судьях, О прокуратуре, Об адвокатуре, О полиции, Об оперативно-розыскной деятельности, Уголовно-Процессуальный и Гражданско-Процессуальный Кодексы, закон Об обжаловании в суд незаконных действий должностных лиц и др.

Все эти законы были подготовлены с учетом мирового опыта, прошли международную экспертизу в Совете Европы, были положительно оценены экспертами и признаны соответствующими общепринятым европейским стандартам. Ликвидирован надзор прокуратуры за законностью судебных решений: прокурор сегодня, являясь стороной в судебном процессе, поддерживает государственное обвинение, и по своему процессуальному положению приравнен к стороне защиты. Судам предоставлены исключительные полномочия в отношении ареста и других процессуальных мер принудительного характера, ограничивающих конституционные права граждан. Впервые в истории азербайджанского законодательства гражданам предоставлено право обжаловать в суд действия и решения должностных лиц, осуществляющих расследование преступлений.

В свете изложенного особое внимание законодателю следует уделить мерам, направленным на укрепление доверия граждан к суду. Это, в первую очередь, гарантии беспристрастности судей при рассмотрении и разрешении дел. Лишь тогда в обществе будут уважать суд и верить в объективность его решений, когда эта уверенность будет основываться на его действительной беспристрастности и честности. В основе же беспристрастности и честности суда должна лежать его подлинная независимость. В законодательстве содержится целый блок гарантий независимости судей. Так, независимость судей, в первую очередь, гарантируется их деполитизированностью.

Статья 126 Конституции страны запрещает судьям заниматься политической деятельностью и состоять в политических партиях, в соответствии со статьей 105 Закона о судах и судьях, лица, назначенные на должность судьи, перед принятием присяги должны выйти из состава партии или другой политической организации. Аналогичную норму содержит статья 9 Закона о Конституционном суде. В соответствии со статьей 127 Конституции, статьей 97 Закона о судах и судьях и статьей 11 Закона о Конституционном суде, судьи несменяемы в течение срока полномочий.

Согласно статье 128 Конституции, статье 101 Закона о судах и судьях и статье 12 Закона о Конституционном суде, судьи неприкосновенны и пользуются особым иммунитетом: это означает, что в период осуществления своих полномочий они не могут быть привлечены к уголовной или административной ответственности, задержаны, арестованы, подвергнуты обыску, личному досмотру и приводу. Привлечение судьи к уголовной ответственности возможно лишь после сложной процедуры и лишь на основании постановления

Генерального прокурора. Независимость судей также гарантируется усложненным, многоступенчатым процессом их привлечения к дисциплинарной ответственности, лишения полномочий и отстранения от должности. В соответствии со статьей 127 Конституции прямое или косвенное ограничение судопроизводства с чьей-либо стороны или по какой-либо причине, незаконное воздействие, угроза или вмешательство недопустимы. Аналогичные положения содержатся в Законе о судах и судьях и в Законе о Конституционном суде.

Гарантией независимости судей является также предусмотренное законом обеспечение их личной безопасности. Законодательством установлен целый комплекс государственных мер по защите здоровья и имущества судей и их близких, кроме того, судьям предоставлено право на ношение и хранение оружия. Уголовный Кодекс предусматривает ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия (статья 286), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие и его близких (статья 287), а также угрозу или насильственные действия в отношении них в связи с осуществлением правосудия (статья 288).

Важным шагом в процессе проведения судебно-правовой реформы явился Указ Президента страны от 17 января 2000 года, которым было принято решение о выборах судей на основе прозрачной процедуры путем проведения тестовых экзаменов в соответствии с международными требованиями.

Статус конституционного органа в Молдове получил Высший совет магистратуры [2, ст.ст. 122-123], в Конституции же Азербайджана Судебно-правовой совет не упоминается. Он был создан Указом Президента Азербайджана от 1 декабря 1998 года «О применении закона о судах и судьях и мерах по осуществлению судебной реформы», в целях создания новой судебной системы, формирования независимого и беспристрастного судейского корпуса при Президенте. В его состав вошли руководители высших судов республики, а также министр юстиции.

Конституционный контроль

Выше мы говорили о принципиальном различии в основных законах места конституционного суда. Включенный в Конституции Азербайджана в судебную систему, он в Молдове выведен за пределы конституционных положений, регулирующих публичные власти страны, и расположен в отдельном разделе основного закона. Это, в свою очередь, нашло отражение в статье 134, регламентирующей статус Конституционного суда. Являясь единственным органом конституционной юрисдикции в Республике Молдова, Конституционный суд независим от любой другой публичной власти и подчиняется только Конституции. Он гарантирует верховенство Конституции, обеспечивает реализацию принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную и гарантирует ответственность государства перед гражданином и гражданина перед государством.

В соответствии с ч. ч. I-III ст. 125 Конституции Азербайджана Конституционный суд входит в судебную

систему осуществляет судебную власть посредством правосудия, конституционного судопроизводства. При этом Конституционный суд не имеет своего процессуального кодекса (в отличие от уголовного и гражданского судопроизводства) и руководствуется процессуальными нормами, установленными Законом от 21 октября 1997 года «О Конституционном суде Азербайджанской Республики» (ст.ст. 35-74).

Общественные объединения

Обычно под гражданским обществом понимается система негосударственных учреждений и организаций, стремящихся через общественную инициативу, без государственного вмешательства решать возникающие задачи общественного развития [См.: 10, с. 102].

Право каждого на объединение зафиксировано в ст. 58 Конституции Азербайджана, а в ст. 41 Конституции Молдовы закреплена свобода граждан объединяться в партии и другие общественно-политические организации, способствующие выявлению и выражению политической воли граждан и участвующие в выборах в соответствии с законом.

В Азербайджане каждый обладает правом свободно объединяться с другими, создавать любое объединение, в том числе, профессиональный союз и другое общественное объединение, или вступать в уже существующее объединение. Свободная деятельность всех объединений гарантируется. Запрещено вступать в какое-либо объединение или оставаться его членом по принуждению. Запрещены также объединения, преследующие цель насильственно свергнуть государственную власть на всей территории Азербайджанской Республики или в какой-либо его части. Деятельность объединений, нарушающих Конституцию и законы, может быть прекращена только в судебном порядке [См.: 1, ст. 58]. В соответствии со ст. 4 Закона «О политических партиях» ее могут создавать или участвовать в ней только граждане Азербайджана.

Запрещается также создание в Азербайджане политических партий иностранных государств или их отделений [См.: 11].

В Молдове партии и другие общественно-политические организации равны перед законом. Государство обеспечивает соблюдение прав и законных интересов партий и других общественно-политических организаций. Партии и другие общественно-политические организации, цели или деятельность которых направлены против политического плюрализма, принципов правового государства, суверенитета, независимости и территориальной целостности Республики Молдова, являются неконституционными. Запрещено создание тайных объединений, а также деятельность партий, состоящих из иностранных граждан. Органическим законом определены государственные должности, занятие которых несовместимо с членством в партиях [См.: 2, ст.41].

Анализ законодательства Азербайджана и Молдовы дает возможность прийти к выводу, что становление конституционализма в постсоветских странах прошло этап первичного формирования нормативно-правовой базы, когда в условиях распада СССР молодым независимым государствам необходимо было в срочном порядке создать минимальную правовую базу для существования и деятельности. Наши государства также прошли второй этап становления конституционализма, когда имеющаяся нормативно-правовая база совершенствуется путем имплементации в нее международно-правовых норм, внедрения в национальное законодательство опыта демократических государств и передовой юридической мысли.

Представляется, что сегодня наши страны находятся на третьем этапе становления конституционализма, когда совершенствование конституционализма определяется в соответствии с выбранным парадом и государством направлением развития страны.

Литература:

1. Конституция Азербайджанской Республики. – Баку, 2016
2. Конституция Республики Молдова. – Кишинэу, 2015
3. О государственной независимости Азербайджанской Республики. Конституционный акт от 18 октября 1991 года. – Баку: Азернешр, 1991
4. О референдуме. Закон Азербайджанской Республики от 30 декабря 1997 года
5. Конституция Европейского Союза: Договор, устанавливающий Конституцию для Европы (с комментарием). – Москва: ИНФРА-М, 2005. – 622 с.
6. Конституционализм: опыт Америки и других стран. – <http://www.infousa.ru/government/dmpaper2.htm>
7. Дюги, Леон. Конституционное право. Общая теория государства. – Москва: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1908. – 957 с.; <http://pravoznavec.com.ua/books/92/5229/25/>
8. Алиев Шахин. Научно-практический комментарий к Конституции Азербайджанской Республики. – Баку: Юридическая литература, 2000. – 728 с.
9. Прело, М. Конституционное право Франции. – Москва: ИЛ, 1957; <http://pravoznavec.com.ua/books/92/5229/25/>
10. Энтин, Л. М. Ответственность власти. – Москва: Юристь, 1997
11. О политических партиях. Закон Азербайджанской Республики от 3 июня 1992 года

12. Inews.az , 2009, 6 марта

Резюме

Статья рассматривает становление конституционализма в современном обществе на примерах Азербайджана и Молдовы, как государств с молодыми традициями конституционного и государственного строительства. Объясняется путь от переломного момента принятия конституций данными государствами до становления институтов конституционного контроля и общественных объединений.

Ключевые слова: конституционализм, Конституция, правовой вакуум, верховенство права, права человека, народный суверенитет, разделение властей, парламент, референдум, судебная система, конституционный контроль, гражданский мир, общественные объединения, Азербайджан, Молдова, территориальные конфликты

Summary

The article covers the establishment of constitutionalism in the modern societies of Azerbaijan and Moldova. In the states with relatively young traditions of constitutional- and state-building. The article discusses the road of these states from the crucial moment of adopting their respective Constitutions and up until the establishment of the institutes of constitutional control and public associations.

Keywords: constitutionalism, Constitution, legal vacuum, rule of law, human rights, state sovereignty, division of powers, parliament, referendum, judicial system, constitutional order, civil peace, public associations, Azerbaijan, Moldova territorial conflicts.

Хагани МАМЕДОВ,

докторант кафедры Международного частного и
Европейского права БГУ
(x_mamedov <x_mamedov@yahoo.com>)

ЕВРОПЕЙСКАЯ ХАРТИЯ ЯЗЫКОВ И ПРАВОВОЙ СТАТУС ЯЗЫКОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ГОСУДАРСТВАХ ЮЖНОГО КАВКАЗА

Распад СССР, повлекший за собой сложные и противоречивые процессы становления и развития национальных государств, демократизацию всех сфер социальной жизни, ориентацию на примат соблюдения прав и свобод человека и общностей людей, повышает наш интерес к проблемам обеспечения на постсоветском пространстве социальной безопасности, направленной на защиту человека, его общностей и отношений, способствующих общественному развитию, их прогрессивных социальных потребностей и интересов, систем социализации человека и обеспечения его жизнедеятельности, ценностей образа жизни и т.п. [7, 36]

И если регулирование правового статуса этносоциальных организмов в национализирующихся государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР, представляет собой внутреннюю проблему этих государств, то механизм регулирования и защиты правового статуса этнических групп выходит за рамки юрисдикции отдельных государств и должен охватывать как нормы международно-правовых, так и национальных актов. В этой связи следует выделить конституции стран СНГ. Прежде всего, указанные конституции, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров, закрепляют принцип равенства всех перед законом, в том числе независимо от национальной принадлежности (ст.25 Конституции Азербайджанской Республики, ст.22 Конституции Республики Беларусь, ст.14 Конституции Грузии, ст.14 Конституции Казахстана, ст.16 Конституции Республики Молдова, ст.19 Конституции Российской Федерации, ст. 24 Конституции Украины, ст.28 Конституции Литовской Республики и др.) [13; 15; 17; 21]. Между тем мировая практика предлагает, по мнению Ж. Хазелхубера и Х.-Ж. Хейнтца, различные варианты решения языковой проблемы [19, 145-148].

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что тот или иной вариант решения языковой проблемы в многонациональном (полиэтническом) государстве является показателем гарантированности прав этнических групп и свидетельством стабильности этносоциальной структуры данного общества. В Западной Европе уже в 1950 году в статье 14 Европейской конвенции о правах человека излагались принципы запрета на дискриминацию, включая и те аспекты, которые связаны с

принадлежностью к национальным меньшинствам и к языкам национальных меньшинств. Однако такая защита в рамках Европейской конвенции, по мнению А. Гловера, имела лишь самый общий характер [17, 53-54].

По нашему мнению, многие страны бывшего Советского Союза, взяв в качестве образца для своего развития западную модель, заключили, подписали и ратифицировали множество международно-правовых актов, договоров и конвенций, которые при их принятии приобретают обязательный характер, если учитывать примат международного права над национальным, но оказались неспособными к их исполнению.

До последнего времени проблема русского языка не существовала, пожалуй, только в Белоруссии, Казахстане, Азербайджане и Киргизии. С этими странами у России не возникало споров и по другим вопросам. Но не исключено, что проблемы цен на газ, условий транзита энергоносителей, стратегии военного сотрудничества потянут за собой начало языковых проблем и в этих государствах СНГ [10, 27-30]. Почти всюду оппозиция готова ввести самый жесткий запрет на все, что связано с Россией.

Грузия.

Проблема статуса русского и грузинского языков в Грузии в советские времена вызвала в конце 70-х мощные акции протеста студенчества [23]. Поэтому вопрос об официальном статусе русского языка сегодня даже не рассматривается. По данным департамента статистики, в постсоветский период из Грузии уехала примерно половина русскоязычного населения. Соответственно уменьшилось число русских школ, хотя их не закрывали, а объединяли (из-за недостатка учеников) с грузинскими. За десять лет появилось целое поколение, практически не понимающее русский [14,14]. При этом со времен СССР в Грузии почти во всех вузах наряду с грузинскими факультетами функционировали русские [23].

В связи с отсутствием этнических русских в **Армении** вопрос о повышении статуса русского языка не встает. Его позиции ослабли с принятием в 1993 году закона о языке, в соответствии с которым в действующих на территории Армении образовательной и учебной системах языком преподавания и воспитания является литературный армянский [3; 20].

Как

отмечает А. Амиров, в **Азербайджане** русский традиционно является языком межнационального общения. Никакой

иностранный язык в стране не может претендовать на более высокий статус. Споры по поводу статуса русского языка нет не только между оппозицией и властями, но даже между русскоязычным населением и этническими азербайджанцами [2]. Несмотря на это не определен до сих пор статус русского языка в Грузии и Азербайджане: его активно используют в быту представители старшего поколения, однако молодежь практически не испытывает к нему интереса [5]. Ни в той, ни в другой стране не существует препятствий для изучения русского языка как второго иностранного в школах и университетах, однако с падением Советского Союза большая часть социально активной части населения этих государств ориентируется на сближение с Западом, а не Россией. Как следствие - внимание не к русскому, а к английскому языку. Русскому языку в повседневном общении отдают предпочтение лишь 6% граждан Азербайджана и 7% граждан Грузии, в то время как азербайджанский и грузинский языки используют 94 и 92% населения соответственно, что показывает серьезное снижение значения русского языка в Закавказье [6].

Таким образом, создание национальной идентичности прошло в форме определения кто является, а кто нет, частью этой нации. В результате политической и социальной истории Южного Кавказа, в понятие «другие» вошли не только те, кто не вписался в национальные рамки, но также и некоторые группы, проживающие в пределах государства.

Сегодня в странах Южного Кавказа проживает различный процент этнических меньшинств. В Армении они составляют лишь 2% всего населения [9; 20].

В Азербайджане меньшинства составляют 8,5% населения [3]. В Грузии меньшинства составляют 13% грузинского населения. Согласно последней переписи населения Грузии 2014 года, грузины составляют 3,224,564 человека, азербайджанцы – 233,024, армяне – 168,102, русские – 26,453, осетины – 14,385, езиды – 12,174, украинцы – 6,034, кистины – 5,697, греки – 5,544, ассирийцы – 2,377 и другие – 14,346 [4].

У Азербайджана перед Советом Европы такое обязательство: ратифицировать Европейскую хартию о региональных языках и языках национальных меньшинств и принять закон о национальных меньшинствах. В свое время при взятии на себя этих обязательств, правительство не сделало никаких оговорок, да и парламент тоже не возражал [5].

Европа тоже сталкивается с проявлениями сепаратизма и агрессивного национализма, но при этом старается бороться не с последствиями, а с причинами. Одним из инструментов как раз и является упомянутая хартия. И метод, когда обязательство на себя берут, а потом не выполняют, неприемлем в международных отношениях [11, 212].

Армения подписала и ратифицировала Хартию, а ее вступление в силу датируется 01 мая 2002 года. Однако, в Армении в свидетельствах о рождении и других документах, удостоверяющих личность, отчество лица, которому выдается документ, указывается в соответствии с правилами армянского языка, без учета традиций и правил языка нацменьшинств [9]. О не идеальной языковой ситуации в Грузии говорят появляющиеся время от времени публикации в СМИ [23].

В Грузии,

также взявшей на себя обязательство по ратификации этой же Европейской хартии, уже идут активные выступления ее противников [23].

Конституция Грузии также провозглашает равенство независимо от «национальной, этнической или лингвистической принадлежности» [17]. Однако, поскольку закон о «Политических союзах граждан» запрещает учреждение политических партий на региональной или территориальной основе в попытке предотвратить развитие сепаратистских движений, меньшинства слабо представлены в политической системе, особенно на высших постах. Ситуация немного лучше в случае с местными советами и органами муниципального управления [17].

Подобным образом, в Конституции Республики Азербайджан указано, что государство гарантирует равную защиту гражданам, независимо от «расы, национальности, религии, языка, пола и происхождения» [1] и защищает право получить образование на своем родном языке. И, тем не менее, нет всеобъемлющего законодательства, адресованного проблемам меньшинств.

Таким образом, хотя и существуют основные правовые рамки, которые должны гарантировать правовое и политическое равенство, по-прежнему остается значительное пространство для преобразований, особенно в вопросах гарантии политического участия.

Одним из способов превратить символические шаги в вопросе защиты прав меньшинств в значимые изменения их повседневной жизни, является их гарантия путем применения международных стандартов в качестве критериев, интегрированных в международные правовые системы. В этих целях подписание Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств могло бы стать шагом в этом направлении. К началу 2016 года, Армения стала единственной страной Южного Кавказа, ратифицировавшей Хартию; Азербайджан подписал, но не ратифицировал ее; а Грузия пока ее не подписала [3].

В Азербайджане, поскольку меньшинства, в основном, хорошо владеют государственным языком и/или русским (на обоих языках ведется преподавание высшего образования), доступ к получению высшего образования не представляет серьезной проблемы. Тем не менее, изучение негосударственных языков в университетах остается редкой возможностью, и поэтому особенно этнические грузины предпочитают уехать в Грузию для изучения родного языка [18].

Заключение. В различных международных документах изобилуют ссылки на национальные, этнические, религиозные, лингвистические и другие меньшинства без согласования терминологии. На национальном уровне в случае стран Южного Кавказа царит еще большая неопределенность в использовании и значении этих терминов на официальном и общественном уровне.

Какой общий вывод напрашивается при анализе современной языковой ситуации и определении статуса региональных языков и языков меньшинств в государствах Южного Кавказа?

На наш взгляд, в государствах Южного Кавказа, как и в странах бывшего Советского Союза, взявших на себя обязательства выполнять положения Европейской Хартии

региональных языков и языков меньшинств, идет длительный, сложный и болезненный процесс принятия новых для них ценностей и критериев. В ряде случаев подписание и ратификация Хартии исходила в большей степени из конъюнктурных, корпоративных, политических целей правящих элит, а не из гуманитарных,

общедемократических и культурных потребностей, населяющих эти страны народов. В конечном счете, этим странам в условиях глобализации и демократизации рано или поздно придется «подстраиваться» под общемировые (общеевропейские) объективно развивающиеся закономерности развития.

Список литературы

1. Алиева В., Алиев Н. Когда в Азербайджане появятся региональные языки? Ратификация соответствующей хартии принесет только плюсы, считают эксперты. <http://bubakiri.narod.ru/news/2011-07-26-1044>
2. Алихан Амрахов. В Азербайджане появятся региональные языки? http://yaran-suvar.ucoz.ru/news/v_azerbajdzhane_pojavjatsja_regional-nye_jazyki/2011-07-29-362
3. Арутюнова М.А. Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства. http://fmp.msu.ru/attachments/article/256/ARUTYUNOVA_1_2012.pdf
4. Благодаря переписи населения стало известно, сколько людей проживает в Грузии, о состоянии миграции в стране и о других важных показателях. <https://sputnik-georgia.ru/georgia/20160429/231405303.html>
5. Ширин Дуйгулу и др. Права меньшинств как механизм трансформации конфликтов. <http://caucasusedition.net/ru>
6. Щенникова Н.В. Языковой фактор глобализации. <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/vek2-2015/27956>
7. Гасанов Н.Н., Зачесов К.Я. О приоритетах в современных национальных отношениях // Социально - политические науки. 1990. № 9. С.36-42.
8. Грузино-Абхазский конфликт. <http://vgagre.ru/gruzino-abxazskij-konflikt/>
9. Этнические меньшинства на Южном Кавказе и их права. <http://stopxenophobia.com/?p=2072>
10. Еженов К., Жусупов Б., Жусупов С. Активизация политических процессов: ответ на вызов времени или политический маневр? // Панорама. 1999. № 24. С.27-33.
11. Bakker, E. Linguistic Rights and the Organization for Security and Cooperation in Europe. Leyden, 2001
12. Из истории грузино-абхазского конфликта. <http://abhazy.com/historyconfl.html>
13. Хлобустов Олег. Права человека и СНГ (вопросы теории). <https://www.proza.ru/2007/06/04-285>
14. Зайончковская Ж.А. Миграция населения СССР и России в 20 веке: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. №4. С. 14.
15. Hansson, U. The CSCE and the Protection of the Rights of Migrants, Refugees and Minorities (Brussels). 2002. - 229 p.
16. Конфликт в Нагорном Карабахе: история и причины. <http://www.-ntv.ru/novosti/1619045/>
17. Glover A. National Minorities in Europe, *Studia Diplomatica*, Vol. 48, No.3, 1995, p.53-61
18. Попов О.С. Статус региональных языков и языков меньшинств в Европейском Союзе и на пост - советском пространстве. http://www.profimigr.com/index.php?option=com_content&task=view&id=927&Itemid=72
19. Haselhuber, J., Heintze, H.-J. The Global Review of Ethno Politics, Vol.2, No.1, September 2002.p.
20. Национальные меньшинства в Армении. <http://www.kavkaz-uzel.-eu/articles/30125/>
21. Независимый Азербайджан и этнические меньшинства (часть I). <http://eth-noglobus.az/index.php/vse-novosti/item/460>
22. Региональный язык. <http://www.perevod71.ru/regionalnyj-jazyk>
23. Русский язык в Грузии: разные взгляды на проблему. <https://sputnik-georgia.ru/society/20120222/214747442.html>.

Резюме

В данной статье рассматривается политическая дискуссия в государствах Южного Кавказа вокруг ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, принятой Советом Европы четверть века назад, целью которой была защита исторических региональных языков стран ЕС. Автор анализирует исторические предпосылки, приведшие к сложившейся ситуации вокруг данного документа, а также позицию правительств Южного Кавказа по отношению к этой проблеме. Исследование базируется на комплексе научных методов и подходов, основанных на принципе научной объективности и системности, применяемых в исторических исследованиях.

Ключевые слова: *Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств; Совет Европы, Европейский союз, Конституция Франции, Государственный совет Франции; Конституционный Совет Франции; иммиграция, мигранты, сепаратизм, глобальный кризис, национальная идентичность.*

Khagani Mammadov

PhD at the Chair of private international and
(x_mamedov <x_mamedov@yahoo.com>)

European law of the Baku State University

The European language Charter and legal status of minority languages in the countries of the South Caucasus

Summary

This article discusses the political debate in the States of the South Caucasus around the ratification of the European Charter for regional or minority languages, adopted by the Council of Europe a quarter of a century ago, the goal of which was the protection of the historical regional languages of EU countries. The author analyzes the historical background that led to the alive established the situation around this document, as well as the position of the Governments of the South Caucasus in relation to this issue. Research is based on complex scientific methods and approaches based on the principle of scientific objectivity and consistency, application economic studies. The main methods are history problems and comparative analysis, classification and mapping of political history metric concepts. Modern States of southern Caucasus de jure firmly enshrined traditions should be linguistic previous, as defined in their constitutions in spite of the fact that ratification of the Charter Development Act politicians of South Caucasian States, but nevertheless, a number of States still refuse its ratification, arguing that the Charter provisions contradict Polo political situation. The political problem is the implications of the Charter, in view of the fact that at all times the promotion one language at the expense of the other became the catalyst for a powerful and very dangerous social and political processes.

Keywords: *European Charter for regional or minority languages; the South Caucasian States; The Council of Europe, the European Union, the Azerbaijan Constitution, the Armenian Constitution, the Georgian Constitution; immigration, migrants, separatism, global crisis, national identity.*

Драйф Аллах Джамиля Салех САЙФ,
докторант кафедры Международного публичного права
Бакинского государственного университета
(Jamilya Saleh-1969@hotmail.com)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ПРОЦЕССЕ МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА

Война в Сирии, нанесла экономике и инфраструктуре этой страны колоссальный ущерб. Конфликт характеризуется ожесточёнными боевыми действиями, беспорядочными обстрелами населённых пунктов, массовыми убийствами и многочисленными военными преступлениями против мирного населения.

Почему мировые державы так долго не могут обуздать сирийский конфликт и урегулировать его мирным путем?

Региональные игроки, такие как Саудовская Аравия, Израиль, Иран и Турция имеют разные политические цели под сирийским конфликтом. Это касается также России, США, Китая и стран ЕС. Таким образом, они не могут прийти к согласию. Внутренние повстанцы не объединены под одним общим руководством и нет легитимности повстанцев среди сирийского народа и международного сообщества.

Известно, что последние французские войска покинули Сирию в апреле 1946 года, и страна тогда получила свою независимость [1].

Сирийский конфликт начался 15 марта 2011 года в юго-западном городе Сирии Дераа, где студенты и школьники выступили с антиправительственными лозунгами. Они были задержаны местной полицией и заключены в тюрьму в течение месяца.

Некоторые считают сирийский конфликт следствием арабской весны и падения тунисского и египетского режимов в начале 2011 года. Это не так. Данный конфликт был спровоцирован террористическими группировками, например, как ИГИЛ или Аль-Каида.

Известно, что ИГИЛ был рожден как Исламское государство в апреле 2013 года, когда лидер группы Абу Бакр аль-Багдади заключил кратковременный союз с отделением Аль-Каиды в Сирии, Джабха аль-Нусра. 16 сентября 2014 г. когда президент Ирака, обратился к международному сообществу с призывом "использовать все средства" для защиты людей Кобани, по мере того, как

осада Кобани продолжалась, Специальные Советники ООН по предупреждению геноцида и ответственности за защиту опубликовали совместное заявление 10 октября 2014 года, где призвали региональных и глобальных игроков принимать "концентрированное и скоординированные действия, чтобы обеспечить защиту населения и предотвратить возможность дальнейших зверских преступлений [33].

Кроме того, Специальный посланник ООН по Сирии призвал Турцию и другие государства предпринять меры для того, чтобы защитить гражданское население в Кобани, напоминая миру о чудовищных зверствах ИГИЛ [3]. Он сравнил ситуацию в Кобани со Сребреницей в 1995 году, заявив, что "когда есть непосредственная угроза для гражданских лиц, мы не можем, мы не должны молчать.

США и арабские страны стали проводить начиная с 22 сентября 2014 года авиаудары против ИГИЛ в Сирии и впервые эти авиаудары не сталкивались ни с какими возражениями со стороны сирийского правительства. В то время, как первые авиаудары конкретно не были нацелены на продвижение ИГИЛ на Кобани, 1 октября 2014 г. США осуществил первые удары по силам ИГИЛ в попытке захватить город [23]. Таким образом, результатом, возникшим из-за авиаударов явилось то, что они сработали в пользу режима Башара Асада. Не имея ресурсов на войну с ИГИЛ, сирийское правительство смогло бороться со Свободной сирийской армией более интенсивно. Тогда, как только 50 процентов Сирии находилось под контролем правительства, следует оценить слова посла США в Сирии Роберта Форда и американского сенатора Джона Маккейна просто «трудно будет прогуляться» пройдя незаконно через границу суверенного сирийского государства [31].

В настоящее время сирийское правительство Башара Асада рассматривается Организацией Объединенных Наций в качестве единственного законного правительства в Сирии. Каждое официальное взаимодействие ООН с государством осуществляется через это правительство. Сирийское место в ООН занимает посол

Башар аль-Джафари, представитель правительства Асада. ООН признает только его [45].

Тем не менее, до сих пор, даже после принятия резолюции СБ ООН 2249, заместитель представителя США в ООН настаивал на том, что "в соответствии с Уставом ООН и признанием неотъемлемого права Сирии на индивидуальную и коллективную самооборону," США будут использовать "военную силу" в Сирии [33].

В феврале 2012 года тогдашний президент Франции Саркози инициировал международную "контактную группу", чтобы найти решение для сирийского конфликта, после того, как Россия и Китай уже наложили вето на резолюцию 4 февраля 2012 Совета Безопасности ООН. В 2012 году группа провела четыре заседания [10].

Кофи Аннан для мирного урегулирования, предложил в марте 2012 года мирный план [39], с целью обеспечить прекращения огня и заставить правительство Сирии начать переговоры с оппозицией [39].

Конференция «инициативной группы» (теперь называется конференция по Сирии Женева-I) состоялась в субботу 30 июня 2012 года в Женеве, по инициативе тогдашнего посланника ООН в Сирии Кофи Аннана, где приняли участие бывший госсекретарь США Хиллари Клинтон, министр иностранных дел России Сергей Лавров, представитель Китая, министр иностранных дел Великобритании Гааге, и Кофи Аннан [43].

Конференция договорилась [9] о необходимости создания «переходного государственного органа исполнительной власти», который мог включать в себя членов настоящего сирийского правительства и оппозиции [7]. **Сирийский мирный план Лахдар Брахими сентября 2012 года.** Лахдар Брахими, алжирский дипломат, назначенный на 1 сентября 2012 года в качестве нового специального представителя Лигой арабских государств по Сирии, обратился к правительству Сирии и вооруженной оппозиции, чтобы остановить братобийство во время исламского праздника Ид аль-Адха 26 октября 2012 [9].

Конференция Женева-II по Сирии 2014 года была направлена на обсуждение совместно с сирийским правительством и оппозицией переходного правительства. Лахдар Брахими, специальный посланник ООН в Сирии, пытался проводить конференцию в тесном сотрудничестве с Соединенными Штатами и Россией. Она началась 22 января 2014 года и завершилась 31 января. На ней не было достигнуто никакого соглашения [9].

По инициативе комитета четырех было выработано предложение, выдвинутое посланником ООН Стеффан де Мистурой 29 июля 2015 года, которое представляло собой способ, чтобы начать мирный процесс для предотвращения сирийской войны [5]. Однако там не было достигнуто мирных переговоров по Сирии и заседание Женева-II закончилось неудачей [40].

23 октября 2015 года министры иностранных дел США, России, Саудовской Аравии и Турции встретились и беседовали в Вене, чтобы найти путь к прекращению сирийского конфликта [2].

30 октября 2015 года, состоялся первый раунд мирных переговоров Сирии, которые были проведены в

Вене с участием министров иностранных дел 20 стран - участниц: США, России, Ирана, Саудовской Аравии, Турции, Китая, Великобритании, Франции, Италии, Германии и других странах.

Конференция сирийских оппозиционных групп в Эр-Рияде, в столице Саудовской Аравии состоялась в декабре 2015 года. На 10 декабря 2015 года встреча началась в Эр-Рияде, с целью объединения оппозиционных групп Сирии и формирования делегации оппозиции для запланированных переговоров с сирийским правительством [18].

Сирийские курдские группировки не были представлены на этой встрече в Эр-Рияде. Джабха аль-Нусра не была приглашена из-за его предполагаемых "связей с террористами" из Аль-Каиды [18].

Соглашение появилось 12 декабря 2015 года: 34 оппозиционные группы и отдельные лица объединились в качестве «Высокого комитета для ведения переговоров» [47]. Он включал, помимо прочих, Ахрар аль-Шам и Джейш аль-Ислам, но не включал в себя сирийских курдов и некоторых умеренных представителей оппозиции при поддержке со стороны России. **Третья Женевская мирная конференция января 2016 года [44].** В

соответствии с Сирийскими соглашениями о прекращении огня и боевых действий в феврале 2016 года Международная группа поддержки Сирии (ISSG) создала целевую группу ГСИВ для прекращения огня, под эгидой ООН, сопредседателями которой являлись Россия и США. Они также опубликовали совместное коммюнике о том [25].

10 сентября 2016 года, Россия и США достигли соглашения об установлении режима прекращения огня между сирийской правительством Асада и поддерживаемой США коалицией так называемых «основных сирийских оппозиционных групп повстанцев».

После того, как под руководством США были нанесены воздушные удары по коалиционным войскам Асада 17 сентября, президент Асад 19 сентября объявил о прекращении огня, чтобы войне был положен конец.

Переговоры в Лозанне состоялись в октябре 15 октября 2015 года США, Россия, Саудовская Аравия, Турция, Катар и Иран, где они говорили о сирийской войне [4].

Конференция в Астане. Очередные мирные переговоры – состоялись в Астане 23-24 января 2017 года. Цель – завершение гражданской войны в Сирии. Всего в переговорах приняли участие семь делегаций: России, Турции, Ирана, США и Организации Объединённых Наций, а также две стороны – представители официального сирийского правительства и спикеры вооружённых группировок, оппозиционных по отношению к президенту Асаду. Это был первый случай в истории гражданской войны в Сирии, когда в ходе мирного урегулирования за столом переговоров оказались как власти САР, так и противоборствующие им мятежники (боевики) [21].

Оценивая новые мирные переговоры по Сирии, которые состоялись 23 января, можно сделать вывод о том, что Асад, Россия, Турция и часть мятежников были готовы к уступкам. В то же время наивно было бы надеяться, что после очередных переговоров в Сирии вдруг наступит мир.

Список использованной литературы

1. Ариан Бонзон. Сирия, Турция, Иран, Израиль... кто заинтересован в региональном конфликте? - <http://inosmi.ru/world/20121016/2009-530-41.html>;
2. Бычкова Юлия. Три года противостояния в Сирии. - <http://kommersant.ru/doc/2322152>
3. Борьба с ИГИЛ в Сирии. - <http://march.livejournal.com/1326034.html>
4. Братерский Александр. Лавров и Керри больше не одни. В Лозанне прошли переговоры по Сирии с участием России и США. - https://www.gazeta.ru/politics/2016/10/15_a_10253177.shtml
5. В рамках усилий по продвижению межсирийских переговоров Стеффан де Мистура провел целый ряд встреч в Москве. - <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=27475#.WMEEjdKLSM8>
6. Кудрик, Владислав. Мир в Сирии ищут в Астане: к чему приведут новые переговоры. - <http://apostrophe.ua/article/world/middle-east/2017-01-23/9636>
7. Кукушкина, Антонина. Россия и Китай наложили вето на проект резолюции Совета Безопасности ООН о прекращении огня в Алеппо. - <http://www.1tv.ru/news/>
8. Мардасов, Антон. Москву и Эр-Рияд сблизит федерализация Сирии? Какие точки соприкосновения имеют Саудовская Аравия и Россия в САР. - <http://svpressa.ru/war21/article/159740/>
9. Мардасов, Антон, Семенов Кирилл. Группировки, действующие в Сирии. - http://russiancouncil.ru/inner-/?id_4=8783#top-content
10. Москва прокомментировала итоги переговоров по Сирии в Лозанне. - <https://lenta.ru/news/2016/10-16/lo-zanna/>
11. Мирные переговоры в Астане (2017). - <https://ru.wikipedia.org/wiki>
12. Ответственность по защите. На ком лежит ответственность по защите людей от грубых нарушений прав человека? - <http://www.un.org/ru/pre-ventgenocide/rwanda/bgresponsibility.shtml>
13. Пан Ги Мун: Ситуация в Сирии – коллективный провал. - <http://korrespondent.net/world/3777863>
14. Colin P. Clarke Chad C. Serena. Hezbollah Is Winning the War in Syria. - <http://nationalinterest.org/feature/hezbollah-winning-the-war-syria-19229>
15. Paul Wood. Could the conflict in Syria lead to world war three? - <http://www.spectator.co.uk/2016/10/could-the-conflict-in-syria-lead-to-world-war-three/>
16. Relations between America and Russia are now worse than at any time since the Cold War. - <http://www.spectator.co.uk/2016/10/could-the-conflict-in-syria-lead-to-world-war-three/>
17. Straightforward Answers to Basic Questions About Syria's War The Interpreter. - <https://www.nytimes.com/2016/09/19/world/middleeast/syria-civil-war-bashar-al-assad-refugees-islamic-state.html? r=0>
18. Syrian Civil War Fast Facts. - <http://edition.cnn.com/2013/08/27/world/-meast-/syria-civil-war-fast-facts/>
19. Terry D. Gill. Classifying the Conflict in Syria. - <http://stockton.usnwc.edu/cgi-/viewcontent.cgi?article=1691&context=ils>
20. Will Fulton, Joseph Holliday, Sam Wyer. Iranian strategy in Syria. - <http://www.understandingwar.org/report/iranian-strategy-syria>
21. Why is there a war in Syria? - <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-35806229>

Резюме

Статья посвящена международно-правовому анализу гражданской войны - многостороннего вооружённого конфликта с иностранным вмешательством на территории Сирии, начавшийся весной 2011 года. Важное место в ней занимает исследование мирных переговоров по Сирии.

Стремительное наступление ИГИЛ и захват террористами значительных территорий Сирии и Ирака летом 2014 года стал поводом для начала военной интервенции США и её союзников, которые с сентября 2014 года наносят авиаудары по позициям исламистов в Сирии (без разрешения сирийского руководства). С 30 сентября 2015 года аналогичную операцию в Сирии проводят российские ВКС (по официальной просьбе президента Сирии), они координируют свои действия с правительственными войсками. Ввиду значительного вовлечения в него иностранных держав и организаций ряд экспертов характеризует конфликт как опосредованную войну.

Ключевые слова: *военные преступления, сирийский конфликт, региональные игроки, исламисты, мирное урегулирование сирийского конфликта, международное сообщество, арабская весна, различные вооруженные исламистские коалиции, резолюция, Уставе ООН, международное право, права человека, международные переговоры.*

Dreyf Allah Jameel Saleh Saif,
doctoral student of International Public
Law Chair Baku State University

International legal problems in the process of peaceful Settlement of the Syrian conflict

Summary

The article is devoted to the international legal analysis of the civil war - a multilateral armed conflict with foreign interference in Syria, which began in the spring of 2011. An important place in it is occupied by the study and subsequent peace negotiations on Syria. It appears that the parties to the conflict are the supporters of the acting president Bashar Assad (Syrian Arab Army), the formation of the "moderate" Syrian opposition (Free Syrian army), Kurdish regionalists (Detachments People's self-defense), as well as various types of Islamist terrorist groups (IGIL, Front al-Nusra, etc.).

Keywords: *war crimes, Syrian conflict, regional players, Islamists, peaceful settlement of the Syrian conflict, the international community, the Arab Spring, various armed Islamist coalitions, the resolution, the UN Charter, international law, human rights, international negotiations.*

Вусала МУРАДОВА,
диссертант Института Права и прав человека
Национальной Академии наук Азербайджана
Специальность «Международное право»

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Глобализация как объективный процесс развития человеческой цивилизации, продуцирует возникновение ряда проблем общепланетарного характера, определяющих не только возможности дальнейшего развития самого человечества, но и поиск способов и методов их разрешения через создание устойчивой модели международной безопасности.

Многосторонний и во многом противоречивый процесс глобализации выдвигает новые тренды безопасности всего мирового развития, что актуализирует разработку эффективных международно-правовых стратегий противодействия угрозам и вызовам глобализации. Процессы глобализации, затрагивая все сферы человеческой деятельности, активно влияют на процессы стандартизации и унификации правовых систем национальных государств в соответствии с нормами международного права.(7.р.39.)

Несмотря на достаточно длительный период исследовательского анализа сущности и специфики глобализационных процессов, их негативных и позитивных трендов, проблематика угроз и вызовов глобализации в контексте международно-правового обеспечения коллективной безопасности до сих пор остается весьма спорной и неоднозначной. Развитие международно-правового механизма обеспечения безопасности в условиях глобализации требует объективного и содержательного анализа. Осознание важности данной проблемы и актуальность ее исследования обусловили выбор темы данной статьи.

Глобализация, охватившая в различной степени все регионы мира, принципиально изменяет соотношение между внешними и внутренними факторами безопасности в пользу первых. Влияние вызовов глобализации как ведущей тенденции мирового развития на правовую сферу международной безопасности является актуальной проблемой функционирования права как внутригосударственного, так и международного. Авторитетнейший специалист в области сравнительного правоведения Рене Давид подчеркивал: «Мир стал един. Мы не можем отгородиться от людей, которые живут в

других государствах, других частях земного шара... необходимо международное взаимодействие».(1.с.9)

Задача повышения роли международно-правового механизма глобальной безопасности стала доминантным трендом современного мирового развития. Угрозы и вызовы глобальной безопасности свидетельствуют о необходимости усиления международно-правовой ответственности за нарушения мирового порядка. Исследователи обозначают проблему глобального кризиса верховенства права (the Rule of Law) и связанную с этим опасность обрушения международного правопорядка (2). Профессор Мадридского университета Ф. Лапорта подчеркивает «явный дефицит глобального права в условиях кризиса Вестфальской системы» (3.с.39).

Особую важность приобретают международно-правовые средства формирования и функционирования системы глобальной безопасности как международной стратегии, обеспечивающей защиту основных, жизненно важных интересов и суверенитета всех государств мирового сообщества. Комплексное изучение угроз и вызовов глобальной безопасности призвано определить перспективы функционирования и развития механизма международно-правового обеспечения коллективной безопасности на современном этапе международных отношений и разработать обоснованные стратегии повышения эффективности данного механизма.

В условиях перманентной политической турбулентности, когда глобализирующийся мир, несмотря на разрастающиеся международные кризисы и конфликты, становится все более взаимосвязанным, взаимозависимым и неделимым, международно-правовой механизм обеспечения коллективной безопасности должен быть релевантен к новым угрозам.

Возрастающая значимость правовой конструкции, релевантной глобализационным вызовам, определяется комплексом причин. Во-первых, вследствие глобализационного тренда, выражающегося в необходимости придания легально-формального статуса вхождению государств в мировое сообщество. Во-вторых, закрепленная в Уставе ООН система коллективной

безопасности далеко не всегда в состоянии принять вызовы, связанные с усложнением проблем укрепления международной безопасности. В-третьих, проблемы обеспечения международной безопасности в одной области в силу взаимозависимости глобализационного развития неизбежно отражаются на проблемах международной безопасности в других сферах. В-четвертых, в силу глобализационной специфики функционирования системы универсальной коллективной безопасности, новых возможностей поддержания международного мира, превентивной дипломатии, антикризисного управления и принятия мер по принуждению к миру. В-пятых, угрожающий дефицит эффективного правового регулирования в области мирного разрешения международных конфликтов.

Таким образом особо актуальным, нам представляется, определение и анализ четких рамок содержательных характеристик вызовов и угроз мировому порядку и осознание необходимости принятия конкретных мер субъектами международного права для ответа на эти вызовы. Такой фреймовый подход к угрозам и вызовам глобализационного развития будет рационально продуцировать адекватные правовые механизмы и процедуры эффективного обеспечения международной безопасности. Известный американский эксперт в сфере международного права Дж. Стайнбрунер обоснованно считает, что уровень эффективности международно-правового регулирования безопасности неизмеримо выше в сравнении с мерами, которые принимает национальное государство по защите своих жизненных интересов. «Большинство стран считают, что их безопасность гораздо больше зависит от юридического регулирования, чем от собственных военных возможностей». (8.p.45)

Многочисленные угрозы глобального характера и усиливающийся дисбаланс сил в **реальной практике** поддержания международной безопасности требуют так же объединение ресурсов всего мирового сообщества, слаженность действий и взаимопонимание, что невозможно без совершенствования форм и методов правового механизма. Международное право и другие международные нормативные конструкции, выступают комплексной системой регулирования порядка в сложной системе международных отношений.

Максимально широкие параметры сферы применения права международной безопасности- от территории одного государства до географических рамок регионов и масштабов всего мира, а также обширный арсенал мирных средств и принудительных мер, - позволяют международно-правовому механизму обеспечения глобальной безопасности выполнять эффективные регулирующие функции, предписывая правила поведения субъектам международного права. «Право в целом, а международное право в особенности, выступают ценностным инструментом, регулирующая функция которого проявляется в установлении государствами четких правил поведения в соответствующих областях взаимодействия. Международное право является центральным компонентом в механике каждого секторального кризиса мировой политики». (6).

Из всех современных социальных регуляторов именно международное право отличается оперативностью изменений и достаточной дистанцированностью от национальных особенностей. Ряд исследователей, признавая доминантную роль международного права «в системе ценностей мирового сообщества» (4.c.35), подчеркивают, что глобализационные вызовы в правовой сфере влияют, прежде всего, на уровень международной безопасности и потом рефлексиируют на национальный уровень.

Противостоять вызовам глобализации возможно только на основе принципов и норм международного права при условии координации совместных усилий всех субъектов международных отношений. Формирование оптимальной модели международно-правового обеспечения мировой безопасности во многом зависит и от такого субъективного фактора как политическая воля лиц, ответственных за принятия решений, что кратно усиливает необходимость действенного функционирования и интенсификации многоуровневой правовой системы, основанной на международных **соглашениях**.

Важнейшим средством достижения глобальной безопасности выступает комплекс международно-правовых средств. «В пределах международно-правовой среды формируются и трансформируются факторы международного порядка, определяющие, в свою очередь, условия стабилизации, упорядочивания и последовательной трансформации процессов международной безопасности». (5.c.375). Поскольку правовые рамки концепции глобальной безопасности остаются крайне дискуссионными, а ее дискурс включает противоречивые тенденции, разработка адекватной модели международно-правового обеспечения глобальной безопасности представляется востребованной и остро актуальной.

Проблемы, связанные с развитием и укреплением международно-правового обеспечения глобальной безопасности стали актуализироваться на рубеже 90-х гг. XX века вследствие краха биполярной системы, основанной на поддержании баланса сил в мировом порядке. Политика национальных государств после крушения Ялтинско-Потсдамской международной системы во многом соответствует принципам и нормам международного права, цементирующим основные принципы современной системы международной безопасности. Тем не менее ряд международных соглашений, регламентирующих режим международной безопасности, пока не получили всеобщего признания. Новый порядок многополярного мира, сформировавшегося в условиях глобализации, выдвигает в качестве приоритетной проблемы международных отношений укрепление безопасности и предполагает более плодотворное и активное сотрудничество национальных государств и международных структур по укреплению системы глобальной безопасности.

Следует отметить, что современные вызовы мировому правопорядку во многом отличаются от тех угроз, которые были характерны для блокового противостояния Востока и Запада в период «холодной

войны». «Глобализационные процессы, пронизывающие международные пространства, - отмечает украинский правовед В. Хонин, - способствуют проявлению международных интеракций вне пределов распространения государственных суверенитетов вестфальского образца, когда государства контролировали и, главное, практически осуществляли максимумы международных взаимодействий». (4.с.374).

Последствия, вызванные этнополитическим переделом бывшего СССР и крах послевоенной системы международных отношений продолжают поддерживать очень высокий уровень локально-региональной конфликтности. На современном этапе глобализационного развития значительно увеличилось число вооруженных противостояний с участием государств, что создает прецеденты интернационализации локально-региональных конфликтов.

Вызовы безопасности новой многополярной стратегической среде усугубляются возросшим числом потенциальных участников масштабных конфликтов, совокупностью сложнейших геополитических и геодивизионных факторов. Расширение функций наднациональных институтов и усиления роли негосударственных игроков, с одной стороны, представляют новые возможности для формирования режима безопасности, с другой стороны, несут и новые вызовы вследствие политики двойных стандартов.

Стремлению западных стран сохранить свое доминирование не только в сфере глобальной безопасности, но и во всей системе международных отношений, включая доминантность в экономическом сегменте, противостоят плюралистические модели экономического и социального мобилизационного развития государств Востока, стремящихся обеспечить свою национальную безопасность. Процессы глобализации несут новые вызовы национальной безопасности так же и для стран догоняющего развития, которые рискуют быть маргинализированными в результате экономического давления сильных экономик стран Запада.

Специфика поддержания режима национальной безопасности государствами, представляющими различные социально-политические модели, объясняется не только

вышеперечисленными факторами, но так же и сложностью прогнозирования современного развития. Однако общецивилизационное развитие может продолжаться только при сохранении и поддержании национальными государствами как членами мирового сообщества не только режима глобальной безопасности, но и режимов региональной и субрегиональной безопасности. Таким образом, безопасность, выступая важнейшим фактором устойчивого развития личности, национального государства и всего мирового сообщества, формируется адекватными международной ситуации политико-правовыми средствами. Тем не менее опыт мировой практики свидетельствует, что отношения между субъектами обозначенной выше триады далеки от гармонии вследствие несовпадения интересов, что, естественно, отражается на глобальной безопасности.

В условиях турбулентности мировой политики и взаимозависимости международных акторов уязвимость всего глобального сообщества от традиционных угроз несколько снизилась, однако при этом возросли новые вызовы, продуцированные глобализацией. Данные вызовы связаны с комплексом факторов: ростом транснациональной организованной преступности, интенсификаций акций международных террористов, распространением оружия массового поражения и риском захвата этого вооружения боевиками, миграционным кризисом, интенсификацией региональных конфликтов и кризисов, глобальными финансово-экономическими кризисами, разрушение экологической среды и т.д.

Главная цель международно- правового механизма обеспечения глобальной безопасности состоит в поддержке и защите жизненно важных интересов всего мирового сообщества. Достижение этой цели требует консенсуса в определении приоритетных и наиболее эффективных средств и методов правового регулирования. Эффективность действий акторов международных отношениях во многом зависят от действующего правопорядка, адаптации международно- правовых норм к складывающимся реалиям глобального развития, формирования правовых технологий перманентных мониторингов и правовых возможностей быстрого и качественного реагирования на интенсификацию региональных кризисов.

Литература

1. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1997.
2. Зорькин В. Вызовы глобализации и правовая концепция мироустройства. <https://rg.ru/2010/09/10/zorkin.html>
3. Лапорат Ф. Глобализация и верховенство права. Некоторые сомнения Вестфальца *Проблемы философии права. – 2006-2007. – Том IV-V.*
4. Лукашук И.И. Глобализация и международное право // *Международное право. Специальный выпуск – 2001.*
5. Хонин В. Среда и поле международных интеракций. Гилея: научный журнал ИМО КГУ. 2015 .
6. How international law works in times of crisis. 22nd Annual Conference of the European Society of International Law (ESIL), Riga,

- September 10, 2016. <http://english.conseil8.etat.fr/Activities/How-international-law-works>
8. Steinbruner J.D. Can Arms Control Be Revived? // Arms Control Today. 2005. March (Vol. 35, No. 2).
7. Menski, W. Comparative Law in a Global Context..London: Cambridge University Press. 2006.

Summary

The article deals the threats of international legal support challenges and global Security problems. The author also paid attention to the new trends in global development security . Global security is viewed as an international strategy that protects the vital interests and sovereignty of all states. The need to develop an adequate model of international legal support for global security is being proved. The author analyzes the relevance of the international legal mechanism to new threats and justifies the frame approach to global security. It is proposed to adapt international legal norms to new challenges of global development.

Резюме

В статье «**Вызовы и угрозы международно-правовому обеспечению глобальной безопасности: опыт и перспективы**» рассматриваются новые тренды безопасности мирового развития. Глобальная безопасность рассматривается как международная стратегия, которая обеспечивает защиту жизненно важных интересов и суверенитета всех государств. Доказывается необходимость разработки адекватной модели международно-правового обеспечения глобальной безопасности. Автор анализирует проблему релевантности международно-правового механизма к новым угрозам и обосновывает фреймовый подход к глобальной безопасности. Предлагается адаптация международно-правовых норм к новым вызовам глобального развития.

Arif GULYEV,
doctor of juridical science
Professor,
National Aviation University of Ukraine

Veronika Chekaluyk,
Ph.D,
Candidate of social communications,
Kyiv National Taras Shevchenko University (Ukraine)

IMAGE OF THE FIRST LADY IN MASS MEDIA

1. Introduction. The image of the first lady complements one of the President, which undoubtedly influences that of the country. President's wife or any other person in the position of the first lady (a President, a Queen, a Prime Minister) plays a notable role in country's political life/ The image of the first lady and international image of the country are interconnected parts of the whole image. This article takes into account the forming of the image of the first lady specifically in Ukraine, because for every country, depending on the traditions, the perception of a woman, the methods of image forming are individual, personalized.

2. Topicality: this article analyses tools and methods used to influence the audience, the influence of the first lady on political life of the country; researches the creation and the enhancement of the positive image of the woman who is a wife to the leader of nation.

3. Goal: to research various aspects that part of the positive image shaping, her influence on the nation's leader image perception both within the country and without.

4. Task: to observe the interdependence between the first lady positioning and the country's image in the press. The author sets out to research tools and methods used to build up the image, create an efficient technology to reinforce the positive image, the algorithm of communication with media and translation of the image to the target audience.

5. The research in this field has been of a importance for Ukrainian and other scientists, imagemakers, including: Arif Guliev [11], G.G. Pocheptsov, V.V. Rizun, V. F. Ivanov, V.Kostikov, D. Olshansky, N.Kachynska, V.I.Torsunov, V.M.Shepel, A.P. Sytnikov, Jack Segela, Devid Gergen, Richrard Veslin Michel Porter, Robert Sguaer, John Diadorff, Tim Bell and Bernard Inghem, Noy Vebster et cetera. These researchers state in their works that in the eyes of international community the image of a specific country is directly associated with the portrait of the current government, first persons of the nation, whereas one of the leading roles that present the country is the one of the first lady. First of all, such a person is the formal

wife of the president or another notable female politician of high rank, or she might even be an informal leader lacking any political status.

In journalism, image is a concept described as a mental representation of an object formed in collective consciousness under the influence of mass media [1, p.1]. As to the first lady, it is the result of her work on herself and a well-thought actions of a team of high-level professionals. This concept encompasses both internal and external images: ability to present oneself, public positioning in the context of current events, times and political situation, including the ability to dress oneself accordingly, communicate, etc. We believe that one of the components of the image of a specific person is her idealization in positive sense or rejection, derision in negative sense. The image of the first lady depends on the values offered to the society, her desire to be closer to people, to life the life worthy of any honorable lady and with that care about national interests. The following are types of first lady's image: desired (expected), real, traditional, favourable (positive), idealized, innovative, where this woman plays a role on a par with the man-leader.

The above listed characteristics of the image do not include possible combinations, niether contradict nor interdict one another, and may transform from one into another under certain circumstances. Professional approach in forming the desired initial image is based on the thorough, all-round analysis of the environment around this public person and on the analysis of the target audience. In this case the tools are media. Mass media play the role of a meme in modern information field, influencing the way a country is perceived in the world.

6. Method of research. Learning from predecessors, we may conclude that researchers, political engineers, practicing scientists, achieved various levels of understanding of the concept of public image, about the role of first lady in forming of nation's image, her influence on mass media, her perception of information and forming of public thought. The author conducted her own research, learning about Ukrainian and other first ladies from 2006 to 2014. Specific sources include an

interview for author program at Golos Kieva radio station [2], «Safari Ukraine» magazine [3], and, especially for this research, an interview with the first ladies Aliyeva Mehriban First Lady of Azerbaijan; L. Kuchma, K. Chumachenko-Yushchenko, L. Yanukovitch - First Lady of Ukraine, Y. Timoshenko [4]; monitoring and analysis of publications in business media and information analytical press about first ladies' public image, inquiry with professional image makers and journalists, PR professionals.

Defining the four primary tasks for the first lady that become the foundation in forming a positive public image.

1. First lady, remaining a woman, a wife to the president of the country, a mother, needs to stand up for community's interests, namely: get involved with the problems of health and education of the nation, social security, defend the rights of women and children, ecological and cultural problems, and other issues that support public image.

2. She needs to exemplify the main premises of the Constitution (care about preservation of traditions and laws of the nation).

3. Synchrony between the actions of the first lady and government programs. Namely, to exemplify the support of the President's actions, for example, if government stress on supporting domestic producers in mass media, then the first lady will unobtrusively show her sympathy for domestic producers of clothing, food, and cars, will choose a local resort, etc.

4. Healthy lifestyle.

7. Aliyeva Mehriban First Lady of Azerbaijan.

Aliyeva Mehriban First Lady of Azerbaijan, the most energetic first ladies in the world. Her father, professor Arif Pashayev, is Azerbaijan's eminent scholar, pedagogue, public person, academician of the National Academy of Sciences, laureate of the State Prize, doctor of physics and mathematics. Since 1996, Arif Pashayev has been the rector of the National Aviation Academy under the Azerbaijan Airlines State Concern.

Her mother – orientalist, philologist, critic, translator, doctor of philology, professor Aida Imanguliyeva - was the first doctor of science in Arabic literature and first professor-woman in Azerbaijan. Her numerous scientific works (3 monographs, over 70 research papers) analysed a synthesis of western and eastern cultural traditions, development of creative style and formation of new artistic trends, which has laid a foundation for future studies of not only Arabic, but also all new Oriental literature. Mehriban Aliyeva is a granddaughter of professor Mir Jalal Pashayev - a writer, philologist, Honoured scientist of Azerbaijan, doctor of philology (1947), and eminent journalist, pedagogue, honoured person of science Nasir Imanguliyev[10].

Mehriban Aliyeva married Ilham Aliyev in 1983. They have three children named Leyla, Arzu and Heydar, and four grandchildren.

Mehriban Aliyeva: Success for success' sake, power for power's sake, and ambition have never been key motivations for me. The main thing is to be of help to people, and to find ways of helping those in need. And such help and support can be very diverse. Some need help to have their health brought back, to get education, or to establish a museum, while others need help to preserve architectural monuments for future generations. Sometimes there is a necessity to support the development of infrastructure, sometimes there is a need to provide organizational support for interesting projects, and what is really important to me is when we succeed in both realizing large-scale projects and helping real people [8].

In 1988, Mehriban Aliyeva graduated from the 1st Moscow State Medical Institute named after M.Sechenov with honours diploma. During 1988-1992, she worked at the Eye Diseases Research Institute in Moscow under the leadership of academician Krasnov, received the degree of a doctor of philosophy, having defended a thesis on "Euthanasia and humanism issues in medicine".

In 1995, the Friends of the Azerbaijani Culture Foundation, which is currently led by Mehriban Aliyeva, was established upon her initiative.

In 1996, with the objective of broadly promoting the Azerbaijani culture, she founded the "Azerbaijan - Irs" Magazine, which is published in three languages (Azerbaijani, English and Russian).

For her tireless endeavours towards preserving and developing Azerbaijan's folklore and music legacy, Mehriban Aliyeva was awarded the title of UNESCO Goodwill Ambassador.

In 2002, Mehriban Aliyeva was elected president of the Gymnastics Federation of Azerbaijan. Her excellent organizational skills and growing prestige in the world played a decisive role in making a decision by the International Gymnastics Federation to hold the "A" category phase of the world cup competitions on rhythmic gymnastics (2003), the World Cup (2004), 27th World Championship (2005), and 23rd (2007), 25th (2009) and 30th (2014) European championships in Azerbaijan.

On December 8, 2012, the European Olympic Committee's General Assembly took a decision to hold the 1st European Games in Baku. With a view to holding the first European Games at a high level, an Organizing Committee was established on January 17, 2013, and Mehriban Aliyeva was appointed chairperson of the Committee.

Mehriban Aliyeva is the president of the Heydar Aliyev Foundation, which was founded to study the rich legacy of Azerbaijani people's national leader Heydar Aliyev, and cultivate his national statehood ideas in new generations. On 10 May 2004, inauguration of the Heydar Aliyev Foundation took place.

For the fruitful activity associated with the development of culture, education and healthcare in the Republic of Azerbaijan, broad promotion of the Azerbaijani people's cultural heritage on an international scale, and great services to the organization of the 1st European Games, Mehriban Aliyeva was conferred on the Heydar Aliyev Order [10].

The author introduces her own terms used by public image professionals. In particular, "PR-filter": it is important not to allow provocative information in mass media in order to prevent the destruction of a positive image of the leader. There are two ways: closedness and maximal population of infospace with positive information in order to create and sustain the object's positive image. A piece of news created artificially or on purpose, information pretext. Author's definition is "PR bait". The goal is to engage as many sympathizers as possible and to create a pool of journalists, to establish a long-term media partnership.

Modern political theater play suggests several female roles for the image to fit: a splendid woman, a muse for the President and for the country; modest and unobtrusive first lady, independent politician, a shadow of her husband; independent politician, feminist leader, spiritual leader, a guardian angel, like Mother Theresa.

The most charismatic first lady of the USSR was Raisa Gorbacheva. Where there used to be neutralization and detachment from state affairs, there came a really bright and active first lady, who was involved in large-scale social work. Being a trusted partner of her husband, she promoted his success abroad. Western mass media reviewed her favorably. Raisa Gorbacheva became a symbol of a new kind of a modern woman in USSR. But she didn't have sympathizers in Russia. An exquisite lady wearing exquisite dresses and hats did not fit the reality of everyday socialist life, where a woman worked just as much as a man, where close to all women lived modestly and experienced global deficit.

The first lady Liudmila Kuchma will be remembered for her immediacy. When interviewed by Golos Kieva radio station, she was very sincere and couldn't hold her tears while telling about her husband being able only to congratulate her and their daughter Olena with International Women's day on about 10th or 11th of March, which meant that he didn't belong to their family but to the country. And it was something to put up with, renunciation of private life in favor of Ukraine. This is life.

We may consider Katherine Yushchenko a public person. The first lady #3, who almost always followed her husband in protocol events, was very active in philanthropic activity as the head foundation Ukraine-3000. Yushchenko was a typical American presidential spouse: her husband's open assistant, a part of his image. K. Yushchenko is the most open president's wife in Ukrainian history so far. "In countries where

the institution of the first lady is a long-standing tradition, there are principles of creating of her image and there is a whole department working on her image. Such a tradition does not exist in Ukraine so far. "[6, p. 41], – without placing any blame states Katherine Yushchenko while commenting to Korrespondent. Lady Katherine could remain role model for imageology, but her materialism eliminated completely all the efforts of the imagemaking team.

Years 2010-2014. The leader is so charismatic and strong that the question of president's wife is a taboo for mass media and general public. Lyudmila Yanokovitch never became the first lady. Being official wife to the President, she never lived in Kiev, where her husband held his office and lived. For mass media it was about 'preserving home comfort in Donetsk surrounded by daughters-in-law, grandsons'. Lyudmila Yanukovitch is not mentioned much. Even official web-pages of all European counterparts of Mr Yanukovitch, Russian and American presidents had special sections dedicated to first ladies with brief bio and current activities of the wives of the most important state officials. Such a section once existed on the portal of Ukrainian leader, but only up until 2010. With Yanukovitch at power the section was archived. The "Why?" from a journalist got a response from state PR department [6, 37], that it is a specific request from President's wife and from now on they're not responsible for communications with lady Yanukovich.

Mrs Yanikovich i is indeed a very modest and non-public person, who prefers home and family, church, to social actions. Her favorite social activity and entertainment is Donetsk Opera and Ballet Theater. Mrs Yanukovich knows opera well, knows the how and who of the performances, knows the history of opera and has told the bios of famous opera singers. This person could be an honorable first lady at the head of social development of Ukraine: helping theaters and centers for culture, founding personal awards for children musicians, organizing musical festivals and other cultural and art events. Mrs Yanukovich could be a perfect molding clay for shaping an exemplary first lady: openhearted, of the church, a modest mother. But the taboo prevented such a work.

From the point of view of modern communication processes, in order to make a positive impression, a first lady doesn't need to address meetings or be among the top media people. It is enough for her to be spiritual and heed to advice by image, PR, and political technologists. To respond to social issues in a timely and balanced manner, first ladies create philanthropic organizations, public offices, where specialists register citizens' requests in real time and provide correct feedback to the audience while prepare the first lady to a public appearance that will be beneficial for her public image. The first lady is an atmosphere, a special spirit of kindness and

spirituality, greatness and generosity – such a positioning will be effective in mass media.

8. Finalizing discussion. An extra to the external image could be specific results of the activity of the first lady publicized in mass media: the part she took in social projects, the promotion of the programs of reforms in some specific educational, social, or healthcare initiatives. The stand and the public action of the first lady can first of all influence the passive apolitical audience, those who have electoral right: housewives, the elderly, the disabled and people having medical conditions, including young citizens who haven't decided about their political views [7, p 466-470].

9. Techniques for creating the image of the first lady.

To reinforce the positive image of the first lady, the wife of the leader of nation, author suggests her own methods:

- method of accordance – adapting audience requests to the existing characteristics of the object of the image;
- method of concordance – interconnectedness between public events for positioning of the first lady and the strategy of the development of the country;
- method of enhancement – enhancement of the strong parts of the personality and her skills,
- method of direct advertisement – the team's work related to popularizing the required image in mass media;
- method of transformation of success – following the guidelines of international and historical experience in positioning first ladies;
- quick response method – monitoring situation and real-time response;
- mirroring method – when the image of the first persons is reflected on the image of the country and the way around, when state activities influence directly the image of the President and that of the first lady in their public actions and effects, in commenting the situation is mass media;

Creation of the image for the first ladies is the work for political engineers, imagemakers, sociologists, PR experts.

Some imagemakers are prone to create an emancipated image, one that is close to man's image. The author does not support this theory, because only her husband, the president needs to be manly. The work of the first lady is to be the contrast background for her husband, not to weaken his manliness but reinforce it. If the president is a woman, then in the image of this politician, manly traits should dominate (decisiveness, adherence to principles, absence of jewelry, pant suit style, business dress code, discreet haircuts), some femininity is allowed but is general it is globally accepted that a high-ranking woman should look strict, elegant, temperate but never sexy.

The topic of female politicians is important for image experts [9, p.280-286], because there is enough space for creativity and thorough work.

10. Conclusions

The suggested material is structured and is relevant to the practical realities of imagemaking for the first lady in Ukraine. Currently, the standard depends on mentality. For example, domestically the standard is a caring, wife and mother, loving and sincere patriot, femininity, but externally, for example in France, an exquisite lady, gallant and reserved partner of the president, in Arabic countries it is a silent jewel that decorates her man.

In this research a range of ways of developing the image of the first lady and female politician in the modern information space is offered to influence the forming of the image of the country. The image created by professionals will mask personal characteristics and will only inform the public about socially important qualities of the first lady, will satisfy general audience's expectations: obligation, adherence to principles, willpower, femininity, honesty, service to the country and to the people. Currently, mass media is the most efficient instrument in the forming of the state image. More detailed information about the positioning of the image of the state in the light of first lady's perception in media is available in author's PhD thesis "Media mechanics for forming a positive image of Ukraine in the world: reality, evolution, projections."

References:

1. Definition of image <http://uk.wikipedia.org/wiki/>
2. Chekaluyk, V. "Golos Kieva" radio station, 2002, March
3. Chekaluyk, V. "Safari Ukraine" magazine (Kiev), 2005, p. 48-52
4. Special interviews for dissertation research with L. Kuchma, K. Chumachenko Yushchenko, L. Yanukovych, Y. Timoshenko (2004-2013).
5. Walther Isecson. Steve Jobs
6. Krupnitsky L. Tetyachenko-Renner. – Kiev.: Krichenko, Bright Start Publishing, 2013. – 608 p.
6. Press <http://ua.korrespondent.net/journal/1313662-korrespondent-druzhini-vladi-drugi-polovini-najvishchih-chinovnikiv-ukrayini-voliyut-buti-nepublichnimi>
7. Pocheptsov, G.G., Ymydzhelohyya. - М К .: Refl-book. Vakler, 2001. - 699 p.
8. Aliyeva Mehriban, Interview to the Business Year. 08.05.2012

<http://thebusinessyear.com/publication/preview/azerbaijan-2012>

9. Shepel V.M., Ymydzhelohyya: Secrets personally obayanyya. - Moskow: Culture and Sports: UNITY, 1997, c. 320

10. Aliyeva Mehriban First Lady of Azerbaijan
<http://www.mehriban-aliyeva.az/en/>

11. Gulyev, A.D. Proximity cultures and civilizations. - Journal of Kiev University of Law . - 2013. - № 4. - P. 347-351 .

Summary

The image of the nation depends directly on that of first persons', leaders representatives of elite, artists, sportsmen. President's wife, a First Lady plays a notable role in political life of a country, she is the embodiment of female audience, she is closely followed by journalists. Her image in the press may enhance or deteriorate the reputation of the whole country. This article concerns the role of the first lady in nation's image formation.

The key words: press, first lady, leader, image, audience

Ризван ГУСЕЙНОВ,

доцент UNESCO; старший научный сотрудник Института права и прав человека Национальной Академии Наук Азербайджана; директор Центра истории Кавказа

rizerable@hotmail.com

+99 (455) 7870017

ЕВРАЗИЙСКИЕ ТРАНЗИТНЫЕ ПРОЕКТЫ, КАК ФАКТОР РЕШЕНИЯ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА

Статья раскрывает связь между масштабными транзитными и энергетическими проектами, реализуемыми в Евразии, которые пересекают и сходятся в Азербайджане. Эти проекты уже реализуются при участии таких стран как Китай, Казахстан, Азербайджан, Грузия, Турция, Пакистан и ряда стран Европы. В статье также дан анализ влияния этих проектов уже названных новым «Великим Шелковым путем», на разрешение армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта.

Введение

В период распада СССР, разгорелся один из наиболее кровавых межнациональных военных конфликтов – армяно-азербайджанский нагорно-карабахский конфликт. Результаты оказались тяжелыми для обеих конфликтующих сторон. Многолетний режим прекращения огня, который нарушается почти каждый день, продолжает уносить жизни людей. Основным требованием Азербайджана является вывод армянских войск с оккупированных азербайджанских территорий; армянская сторона настаивает на признании независимости «Нагорно-Карабахской Республики». [1]Свыше 25 лет никакие переговоры и посреднические усилия не позволили решить конфликт, и даже более того – год от года растет вероятность возобновления военных действий. Примером тому могут служить боевые действия в апреле 2016 года, когда в течение трех дней азербайджанские ВС проломали линию обороны армянской армии, и смогли освободить некоторую часть земель. [2]Боевые действия прекратились после посредничества России, однако все равно напряженность на линии фронта остается высокой.

Мало кто обращает внимание на то, что одной из главных причин начала карабахского конфликта в конце 1980 – начале 1990-ых гг. было стремление Запада взять под контроль углеводородные запасы Азербайджана. [3]В наши дни, когда уже окрепший Азербайджан сам определяет векторы своей внешней и экономической политики, именно

разрешение нагорно-карабахского конфликта может позволить на деле реализовать евразийский проект на Кавказе. Не секрет, что в Азербайджане весьма позитивно относятся к идеям евразийства, однако уже давно наступило время от идей перейти к конкретным проектам. Именно создание новых энергетических и транзитных проектов с участием России, Азербайджана, Казахстана и др. стран СНГ, позволит создать экономическую основу будущей модели евразийства.

Двигатель международных отношений: политика или экономика?

Двигателем современных международных отношений, внешней политики являются экономические и транзитные интересы, то есть не политика, а именно экономика определяет приоритеты развития отношений. В нынешнем мире именно экономика формирует политику, а не наоборот, как это было в прежние времена. Те государства, которые это четко поняли, могут рассчитывать на устойчивое развитие и процветание.

Неоднократно выступая в течение нескольких лет на международных мероприятиях в частности в России, я представлял практические взаимовыгодные проекты, которые позволят от теории евразийства попытаться перейти к практической реализации. Без экономической выгоды сегодня ни один международный политический проект или идея не могут быть устойчивыми. [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]Отмечал важность скорейшей реализации проекта Север-Юг (ж/д от Персидского Залива через Иран, Азербайджан и Россию до Финского Залива) и подключения России и других стран к проекту Запад-Восток (ж/д который соединит Японию, Китай, страны Центральной Азии, Южного Кавказа, Турцию со странами Западной Европы. [11]

Сперва, этот проект (также называется «Шелковый путь» или «Пекин-Лондон»), осуществляемый Азербайджаном, воспринимался российским

истеблишментом и политологическими кругами несколько скептически. Считалось что осуществляемый Азербайджаном ж/д проект Запад-Восток («Шелковый путь»), который уже соединил Китай с Европой является антироссийским, а реализация транспортного коридора Север-Юг совместно с Азербайджаном, Россией и Ираном нерентабельной. Проект Запад-Восток считался антироссийским потому, что не проходит по территории России. В совместных дискуссиях, я спрашивал – разве все транзитные, экономические проекты США проходят по американской территории? Ведь если Россия стремится укрепить статус великой державы, ей необходимо реализовывать, в первую очередь, экономические проекты за рубежом, а не военно-политические.

Важное значение для начала реализации подобных совместных проектов, сыграл прошедший 29 сентября 2014 года в Астрахани IV саммит прикаспийских государств, в котором приняли участие президенты: Азербайджана, России, Ирана, Казахстана и Туркменистана. Саммит прошел в атмосфере конструктивного диалога и оказался продуктивным настолько, что некоторые участники охарактеризовали его как «прорывной». На полях Каспийского саммита в Астрахани Россия и Азербайджан подписали важнейшее соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций. Документ, совместно разработанный Москвой и Баку, дал возможность качественно расширить межгосударственное и региональное сотрудничества. [12;13] Это соглашение создало условия для перевода торгово-экономических отношений между двумя странами на принципиально иной, более высокий уровень. В том числе открылись перспективы для совместной реализации масштабных инвестиционных проектов по добыче углеводородных ресурсов на шельфе Каспия и в третьих странах.

Азербайджан последовательно превращался из нефтегазодобывающего государства в один из основных альтернативных источников поставок газа в Европу, главного автора создания Южного газового коридора, включающего строительство Трансанатолийского (TANAP) и Трансадриатического (TAP) трубопроводов. В эти проекты будут вложены инвестиции на сумму \$45 млрд. А прошедший 8 августа 2016 года в Баку трехсторонний саммит с участием президентов России, Азербайджана и Ирана, стал практическим шагом по реализации евразийских проектов, о которых в последние годы много говорят. [14] Тема евразийства является наиболее обсуждаемой в России, где видят в ней новый идеологический и политический проект, который позволит объединить значительную часть государств СНГ и соседних стран. Встреча трех президентов в Баку позволила начать новый этап реализации проектов в Евразии. Отрадно, что Бакинский саммит трех президентов показал - на высшем уровне в России видят, что именно подобные транспортные коридоры позволят создать экономическое обоснование для устойчивого развития евразийского проекта.

Закат современной «Атлантиды» или возвращение империй «Великого Шелкового Пути»

Если экономическая мощь атлантистов (стран Америки и Западной Европы) зиждется на контроле над

океанскими и морскими поставками, то евразийская модель может успешно с ними конкурировать, восстановив былую мощь «Великого Шелкового пути» - сети транзитных коридоров, некогда соединявших широкие просторы Азии и Европы. Прежде считалось, что ж/д перевозки не могут составить конкуренцию морским перевозкам, которые обходятся дешевле и позволяют за раз перевозить намного больше грузов. Однако, теперь в свете непрекращающегося мирового финансово-экономического кризиса значительно сократилась нужда в поставках грузов огромными партиями. Более того, трансконтинентальные ж/д коридоры позволяют доставлять грузы в несколько раз быстрее, чем морские суда, к тому же делать это коротким путем, минуя длительное путешествие по морям и океанам. Мобильность, оперативность и меньшая зависимость от стран-посредников делает ж/д поставки все более привлекательными. Однако, такой расклад сил волнует атлантический блок, большая часть стран которого видит угрозу в восстановлении «Шелкового пути» для своих экономических и военно-политических интересов. Поэтому США и Западная Европа будут и далее делать все, чтобы не позволить реализации масштабных сухопутных коридоров, которые могут представить угрозу морским перевозкам. «Второе дыхание» этим региональным проектам дало разрешение конфликтной ситуации между Россией и Турцией, после чего можно говорить о выстраивании оси сотрудничества Россия-Азербайджан-Иран-Турция. Несмотря на все усилия Запада разругать Россию с Турцией, руководители обеих стран нашли возможность преодолеть разлад в отношениях, что позволит реализовать новые перспективные экономические проекты.

Еще немаловажным фактором становится расширение китайско-пакистанских экономических отношений, основным вектором которых являются китайские инвестиции с целью строительства через Пакистан сети ж/д и других транзитных путей с выходом на Персидский Залив. На создание этого транспортного коридора Китай потратит свыше 45 млрд. долл. Этот коридор позволит через Персидский Залив, Иран и Азербайджан обеспечить более оперативную доставку грузов от Китая до Европы. Хотя еще есть много вопросов относительно Ирана, который занял выжидательную позицию, ибо подписался под проектами о строительстве транзитной ветки Индия, Афганистан-Иран, которую лоббирует Индия, ревностно относящаяся к стремлению Китая строить маршрут через Пакистан. На этом фоне уже назревает новый пакистано-индийский конфликт, грозящий перерасти в военное противостояние. [15]

С целью обсуждения пакистано-китайского проекта, в Баку в декабре 2016 года побывала представительная пакистанская делегация во главе с федеральным министром торговли Пакистана Хуррем Дастгир Ханом. [16] В феврале 2017 года намечен визит президента Азербайджана с большой правительственной делегацией в Пакистан, которая примет план реализации намеченных проектов. Фактически речь идет о создании еще одной ветки «Великого Шелкового Пути», которая соединит страны Восточной Азии с

Европой. То есть этот новый маршрут через Китай, Пакистан и Иран, соединится с маршрутами Север-Юг и Запад-Восток, которые все пересекаются в Азербайджане. В итоге Евразия будет охвачена со всех сторон сетью новых транзитных коридоров, которые серьезно повлияют на экономику и геополитику множества стран.

В этом контексте регион Кавказа представляет важный сегмент не только для большого числа государств Евразии. Особую важность представляют транзитно-экономические возможности Кавказа, а также Прикаспийского и Причерноморского бассейнов. Эти возможности уже реализуются при участии таких стран как Китай, Казахстан, Азербайджан, Грузия, Турция и ряда стран Европы. Первостепенная роль стран Южного Кавказа в этих энерготранзитных, торговых и экономических проектах возрастает благодаря тому, что генератором идей и спонсором их реализации является лидер региона - Азербайджан. Сегодня Азербайджан осуществлением проектов Баку - Тбилиси - Карс (Запад-Восток) и Север-Юг, подает пример того, как реализовывать проекты, куда будут вовлечены Китай, Индия, Иран, Россия, страны Центральной Азии, Кавказа и Европы. Фактически подобные проекты в рамках восстановления «Шелкового пути» позволят обрести идеям евразийства реальные контуры и создать экономические основы для сближения стран Евразии вокруг новой концепции.

Заключение

В этих проектах большие надежды возлагаются на роль и поддержку России, поскольку на ней лежит важная миссия, которую РФ способна осуществить вместе с другими государствами Евразии, в первую очередь постсоветского пространства. Неоднократно, выступая на российских политических площадках, я отмечал, что для

реализации данного проекта необходимы мир и стабильность на Кавказе, решение межнациональных конфликтов, в первую очередь армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта, который фактически разъединил центр Южного Кавказа и позволяет атлантистам (США и Западной Европе) активно реализовывать свои экономические и политические проекты на Южном Кавказе. Если евразийство из стадии идеи может перейти в стадию реализации, то сперва для этого следует преодолеть конфликты и решить проблемы между государствами, расположенными на «Шелковом пути». То есть, карабахский конфликт становится препятствием для реализации глобальных проектов, инициированных Россией, Азербайджаном, Ираном, Турцией, Китаем, странами Центральной Азии и другими государствами, которые стремятся снизить зависимость от морских перевозок, а значит и политики Запада.

Поэтому вполне логична активизации России в решении карабахского конфликта, который ничего кроме проблем для стран региона не создает. Если раньше в российском истеблишменте считали, что наличие карабахского конфликта позволяет официальной Москве влиять на Азербайджан, Армению и в целом на Южный Кавказ, то ныне крепнет понимание того, что сохранение «мертвой зоны» на Южном Кавказе идет на пользу только Западу. Насколько успешно удастся реализовать инициативы по решению армяно-азербайджанского конфликта, настолько успешнее сможет Россия расширить своеполитическое и экономическое влияние на Ближнем Востоке и в Европе. Этого Россия может достичь на основе партнерских отношений с Азербайджаном, Турцией и Ираном.

Литература:

1. Гусейнов, Ризван. Карабах: История одной агрессии. - Баку, 2010. - www.1news.az
2. Вооружённые столкновения в Нагорном Карабахе (2016) - <https://ru.wikipedia.org>
3. Архипова, Е.В. Нагорно-Карабахский конфликт: геополитические факторы переговорного процесса в первой половине 1990-х гг. - Волгоград: Центр региональных и трансграничных исследований ВолГУ, 2002
4. Кавказский диалог – 2014: экономическое, политическое и гуманитарное измерение региона. – Пятигорск: Пятигорский Государственный Университет, 2014. - <http://www.sdo.pglu.ru> - 15.12.2014
5. Кавказский диалог (2014). - <http://gorchakovfund.ru/project/programm/13103/>
6. Готовность армян «стоять насмерть» в Карабахе оставляет Баку только один путь — силовой. - <http://kavpolit.com> - 12.12.2014
7. Представители РФ, Азербайджана, Армении и Грузии собрались на I контактную встречу публичной дипломатии в Тбилиси. - <http://gorchakovfund.ru> – 07.04.2015
8. Стратегия России на Кавказе в оценках экспертов. - Москва: РИСИ, 2016. - <http://riss.ru/actions/29544/> - 21.04.2016
9. Международная научная конференция «Стратегия России на Кавказе в контексте

- глобальных вызовов и угроз». - Москва: РИСИ, 2016. - <http://riss.ru/photos/29575/> - 21.04.2016
10. Гусейнов, Ризван: Азербайджан становится логистическим центром, который свяжет просторы Евразии. - <http://interfax.az> - 10.12.2014
11. «Стратегия России на Кавказе в контексте глобальных вызовов и угроз» – конференция в Москве. - <https://kavkazplus.com> - 20.04.16
12. В Астрахани состоялся IV Каспийский саммит. - <http://kremlin.ru/events/president/news/46686> - 29.09.2014
13. В Астрахани состоялся IV саммит глав государств Прикаспийских стран. - <http://ru.president.az/articles/12985> - 29.09.2014
14. В Баку состоялся трехсторонний Саммит глав государств Азербайджана, Ирана и России. - <http://azertag.az> - 08.08.2016
15. [Экономический коридор Китай–Пакистан и параллельный ему торгово-транспортный коридор Иран–Индия–Афганистан.](https://hizb-russia.info/) - <https://hizb-russia.info/> – 14.08.2016
16. [Пакистан пригласил Азербайджан к участию в экономическом коридоре с Китаем; Азербайджан и Пакистан согласовали три основных направления сотрудничества - министр торговли.](http://www.trend.az/) - <http://www.trend.az/> - 05.12.2016

Rizvan Huseynov,

Associate professor of the Branch of UNESCO; senior researcher at the Institute of Law and Human Rights of Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS); director of Caucasus History Center

Eurasian transit projects as a factor of arraignment of Armenian-Azerbaijan Nagorno-Karabakh conflict

Summary

The article tells us about connection of massive transitive and energetically projects in Eurasia, which intersect and converge in Azerbaijan. These projects are being implemented with the participation of countries such as China, Kazakhstan, Azerbaijan, Georgia, Turkey, Pakistan and a number of European countries. The article also analyzes the impact of these projects have already been named the new "Great Silk Road", to resolve the Armenian-Azerbaijan Nagorno-Karabakh conflict.

Key words: *conflicts, Karabakh, Azerbaijan, Armenia, Caucasus, Russia, China, Pakistan, India, USA, Iran, Eurasian, hydrocarbons, conflicts, geopolitics, geo-economics*

Ключевые слова: *конфликты, Карабах, Азербайджан, Армения, Россия, Кавказ, Китай, Пакистан, Индия, США, Иран, евразийство, углеводороды, конфликты, геополитика, геоэкономика*

Гурам МАНДЖГАЛАДЗЕ,
доктор исторических наук,
профессор (Грузия)

ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ МЕЖДУ ГРУЗИЕЙ И АРМЕНИЕЙ В 1918 ГОДУ

В начале XIX века народы Южного Кавказа оказались в составе Российской империи. Это было «наименьшим злом»: потеряв независимость, они, однако, оказались защищенными от персидско-османской агрессии и смогли в основном сохранить свои национальные особенности и традиции. После длительного мирного периода возродилось национально-освободительное движение, что в результате развала в 1917 году Российской империи завершилось обретением независимости тремя основными населяющими Закавказье народами - грузинским, армянским и азербайджанским. Уже тогда выявились противоречия между ними. В частности, между грузинским и армянским обществами. Меры, предпринятые в этом направлении политическими кругами этих народов, не принесли приемлемых решений. На этой почве произошли армяно-грузинские социально-политические противоречия, которые легли в основу армяно-грузинских взаимоотношений в 1918-1920 годах [1].

Главное место в армяно-грузинских взаимоотношениях занимали вопросы государственных границ. Стремление правительства демократической Республики Грузия в 1918-1920 годах мирными путями разрешить противоречия, связанные с территориальными вопросами, закончилось безрезультатно. Беспочвенные территориальные претензии независимой Армении к Демократической Республике Грузия вызвали армяно-грузинский вооруженный конфликт, в котором преимущество в основном имели грузины и от сокрушительного поражения, в котором Армении спасло лишь вмешательство стран Антанты. Ни армяно-грузинская мирная конференция в начале 1919 года, ни Парижская мирная конференция не разрешили существующих между двумя государствами территориальных противоречий. Ее единственным результатом было создание Антантой на исконной грузинской земле, в Лорском уезде, т.н. «нейтральной зоны», которая после установления Советской власти в 1921 году была передана Армении [подробнее см. 1]. *Поощренная этим успехом Армения, в течение всего XX века пыталась захватить территории Грузии и Азербайджана, что продолжается до сих пор.*

В 1918-1920 годах Демократической Республике Грузия пришлось вести 7 войн и усмирять 12 восстаний. 25 (!) грузинских генералов закончили Академию генштаба России. Большая их часть были полными Георгиевскими кавалерами. Тысячи грузинских офицеров и унтер-офицеров прошли обучение в военных училищах и на фронтах мировой войны. В Грузии находились десятки

тысяч вернувшихся с фронта солдат, а на территории страны, особенно в тбилисских арсеналах и на складах, было более чем достаточно оружия, снаряжения и боеприпасов. Однако бессильное правительство Жордания, увлеченное планами построения *демократического государства*, не сумело использовать эти прекрасные кадры и возможности, создать пусть малочисленную, но хорошо подготовленную и дисциплинированную армию. Наспех собранные территориальные батальоны после каждой войны расформировывались, а лучшие военачальники (генералы Г. Квинитидзе, Г. Мазнишвили, Г. Габашвили и др.) отправлялись на пенсию. Несмотря на это, грузинская армия успешно вела оборонительные сражения с такими сильными противниками, как красная и белая Россия, султанская и ататюркская Турция, дашнакская и советская Армения.

После провозглашения 26 мая 1918 года независимости Грузии, Армянский Национальный Совет, во главе которого стояли дашнаки, 28 мая 1918 года в Тбилиси объявил Армению независимой республикой. В начале июля было создано правительство Республики Армения во главе с Иованесом Каджазунни, которое впоследствии, вместе с Национальным Советом, переехало в Иреван, бывшую столицу Иреванского ханства, подаренную Республике Армения Национальным Советом Азербайджана [2,13]. Очевидно, что Армянский Национальный Совет и правительство намеренно задерживали свой переезд в Ереван, поскольку у армянских руководителей, во-первых, имелись претензии на исконно грузинские территории, в том числе и на Тбилиси, а во-вторых, было желание создать антигрузинскую «пятую колонну».

Поражение России в первой мировой войне, чему в значительной степени способствовала часть лидеров большевистской партии во главе с платным агентом Германии А. Парвусом и его «учениками» В. Лениным и Л. Троцким, поставило страны Закавказья в трудное положение. По Брест-Литовскому мирному договору большевики уступили Турции значительную часть Закавказья. Для отражения турецкой агрессии Грузия сумела установить связь с Германией. Поначалу такая политика казалась правильной, однако впоследствии надежды, возлагаемые на Германию, не оправдались.

В ноябре 1918 года в Германии вспыхнула революция, которая свергла кайзеровский режим. Был аннулирован Брест-Литовский договор. Германские войска оставили Закавказье. В соответствии с подписанным 30

октября 1918 года англо-турецким мирным договором, Турция вывела свои войска из занятых в Закавказье территорий. Вместо них в Закавказье вошли английские войска, которые в определенной степени поддерживали претензии Армении.

Именно поэтому руководители Армении сочли эту обстановку благоприятной для удовлетворения своих претензий и 7 декабря 1918 года, без объявления войны, Республика Армения начала агрессию против Грузии. Вооруженные армянские отряды заняли *Санаян и Алаверди*, начали грабить железную дорогу и другие объекты. После этого правительство Республики Армения предъявило грузинским властям ультиматум об оставлении ими Ахалкалакского и Борчалинского уездов. Попытка грузинского правительства провести мирные переговоры оказалась безрезультатной.

Беспочвенным территориальным претензиям Армении в отношении Грузии в определенной степени способствовали социал-демократы Грузии. Именно они еще в 1912 году в Киеве признали Ахалцихе, Ахалкалаки и Борчалинский уезд до Навтлуги территориями Армении. Н. Жордания утверждал, что треть Тбилиси принадлежит армянам.

Правительство Грузии, хоть и с опозданием, однако приняло меры к отражению армянской агрессии – отдало приказ воинским частям и республиканской гвардии освободить самовольно захваченные армянскими войсками территории. 19 декабря начались столкновения. Войска Армении повсюду потерпели поражение. Особенно тяжелое поражение потерпели армяне в бою у Шулавери. Войска Армении начали отход, который перерос в бегство. Армения оказалась в критическом положении, дорога для вторжения на ее собственную территорию оказалась открытой. В войну были втянуты все силы Армении, в то время как значительная часть резервных частей вооруженных сил Грузии, как из Западной, так и из Восточной Грузии, только начала стягиваться к фронту. Именно в это время в конфликт вмешалось командование находящихся в Закавказье английских войск, помощь которого явно спасла Армению от окончательного сокрушительного поражения. После ряда переговоров и соглашений 31 декабря боевые действия по всему фронту были прекращены и продвижение грузинских войск приостановилось.

1 января 1919 года английские войска заняли районы Лоры и Борчалы от станции Айрум до станции Шагалы. Эта территория была провозглашена «нейтральной зоной». 9 января 1919 года в Тбилиси открылась грузино-армянская конференция по перемирию, на которой были уточнены условия временного перемирия. Администрация Лорской нейтральной зоны была смешанной, грузино-армянской. Контроль над ней осуществляли английский, а затем американский военный представитель. 22 января 1919 года между Грузией и Арменией был подписан временный договор о перемирии, в соответствии с которым были юридически оформлены достигнутые соглашения – прекращение войны и создание нейтральной зоны Лоры. Было принято решение о том, что грузинская армия остается на том рубеже, который она

занимала в 12 часов 31 декабря 1918 года. Очевидно, что территория, которую армяне оспаривали у Грузии, рассматривалась англичанами и французами как часть Грузии. Претензии армянской делегации в отношении Ахалкалакского уезда были отклонены английскими и французскими представителями, и этот вопрос был снят с повестки дня. В соответствии с этим решением, Ахалкалакский уезд оставался под юрисдикцией Грузии. В дальнейшем армянская сторона пыталась по дипломатическим каналам пересмотреть этот вопрос и решить его в свою пользу. Итоги выигранной войны оказались для Грузии незавидными. Подписание договора о перемирии с Арменией было для Грузии вынужденным актом. Спорным объявлялся исконный грузинский край – Лоре. Этим перемирием агрессоры добились того, что проигранная ими война в итоге превратилась для них в выигранную. Оторванная от Грузии территория, хоть и не присоединенная к Армении, а объявленная «нейтральной», давала Армении возможность прибрать ее в будущем к рукам, что и случилось впоследствии.

Испытав поражение в войне с Грузией и не сумев дипломатическими путями захватить грузинскую территорию, правительство Армении надеялось добиться этого с помощью победивших великих держав на Парижской мирной конференции. Однако в секретных соглашениях великих держав (Англия, Франция, Россия, США, Италия) нигде не была поддержана идея создания «Великой Армении» [об абсурдности идеи см. 3].

У правительств Грузии и Армении был разный подход к Парижской конференции, каждое из них надеялось, что конференция примет желательные для них решения. Для защиты своих национальных интересов правительства Грузии и Армении послали в Париж делегации. Их попытки заручиться поддержкой великих держав в виде «мандатов» на управление оказались безуспешными. Парижская мирная конференция не решила спорных вопросов, существовавших между Грузией и Арменией.

В ноябре 1920 года, дашнакское правительство подписало с Грузией соглашение, по которому ей временно передавалось право управления нейтральной зоной Лоре. Это было вызвано тем, что в августе 1920 года в Севре был подписан мир между Антантой и Турцией, по которому Армении передавалась часть восточных провинций Анатолии с выходом к Черному морю. Армения начала войну с целью занять эти территории, однако потерпела поражение от кемалистских войск и повернула обратно к границам Грузии.

После поражения в войне с Турцией, 26 ноября 1920 года, Армения подписала декларацию, в которой отказывалась от территорий, переданных ей по Севрскому договору. Спустя 3 дня, 29 ноября 1920 года, в Армении была установлена советская власть. Вскоре народный комиссар иностранных дел советской Армении потребовал от правительства Демократической Республики Грузия вывести грузинские войска из района Лоре. На этот раз правительство Армении продолжило борьбу под другим идеологическим флагом.

После установления советской власти, 7 июля 1921 года, пленум Кавбюро принял постановление о передаче Советской Армении бывшей нейтральной зоны Лоре. Так от Грузии была оторвана значительная часть ее исторической территории.

После установления советской власти в Закавказье большевики приступили к проведению политики «национального мира» и «братства». Этой обстановкой лучше всего воспользовались армяне и значительно увеличили свою территорию.

Воодушевленные успехом, новые руководители Армении попытались усилить старую политику. В 1922 году они представили проект объединения Ахалкалакского и Борчалинского уездов и создания на их основе единой армянской административной единицы, которая в дальнейшем, в перспективе, должна была быть присоединена к Армении. Однако эта попытка в 1923 году закончилась провалом. В том же году в азербайджанском Нагорном Карабахе был создан армянский национальный округ с центром в Ханкенди.

В 30-е годы минувшего столетия Армения продолжала «ползучее» расширение своей территории. В 1929-1930 годах Армении был передан большой кусок азербайджанской территории. Воодушевленные этим, армяне большевики попытались сделать следующий шаг – в северо-западном, грузинском направлении. Первый секретарь ЦК КП Армении А. Ханджян потребовал от Л.П.Берия передать Армении Ахалцихский и Ахалкалакский районы. Ответ был достаточно жесткий и закончился трагически: Л.Берия застрелил первого секретаря ЦК КП Армении в своем кабинете.

Тем не менее, в последующие годы существования СССР этнический ареал армян значительно расширился. Особенно привлекало их Черноморское побережье Грузии, в частности, Абхазия. В этих широкомасштабных мероприятиях вместе с руководителями Армении активно участвовала армянская церковь. По традиции, чтобы не смешиваться с местным населением, армяне селились группами, что впоследствии давало основание для перераспределения территорий по этническому принципу.

Таким образом, при советском режиме армянам удалось получить значительную часть территорий Грузии и Азербайджана.

Почувствовав приближение распада СССР в конце 80-х годов XX столетия, руководители Армении начали составлять планы территориального расширения будущей независимой Армении. Внезапно на арене появилась исчезающая в советский период партия «Дашнакцутюн» и другие националистические организации. В 1985 году в столице Греции Афинах собрался XXIII съезд «Дашнакцутюн». В повестке дня был один вопрос – расширение территории Армении. В силу известных причин, турецкого направления на съезде не касались. Съезд предлагал Центру (т.е. Москве), чтобы Армения стала ее геополитической опорой в регионе. Лишь один вопрос вызывал разногласия среди делегатов съезда – с какого направления начинать наступление: с северного (Азербайджан) или с западного (Грузия). По итогам голосования, с перевесом в один голос, было принято

решение начать наступление с карабахского (Азербайджан) направления. Армяне сумели реализовать этот план и заняли не только Карабах, но и прилегающие азербайджанские территории.

После осуществления решений XXIII съезд «Дашнакцутюн» в отношении Азербайджана, наступила очередь Грузии. Однако на пути агрессивных планов армян здесь встал первый Президент Грузии Звиад Гамсахурдия. В результате принятых им мер представителям «удивительного народа» [4] (проникнувшим извне, участникам «пятой колонны») пришлось один за другим покинуть Грузию. Однако враги за пределами и внутри Грузии не дали З. Гамсахурдия возможности справедливо и гуманно решить «армянский вопрос» в Грузии.

Этот вопрос приобретает особую актуальность в новейшей истории Грузии. Активной разрушительной деятельностью в Южной Грузии занимаются члены террористических организаций «Дашнакцутюн», «Крунк» («Журавль»), «АСАЛА». Представители «Дашнакцутюн», «Федаин», «Джавахи», «Армяно-арийского ордена» и других армянских партий и организаций снабжают население Южной Грузии трудами сомнительной ценности. Примечательно, что символами «Армяно-арийского ордена» являются: перекрещенные друг с другом свастика и орел, которые очень напоминают символы фашистской Германии. Председатель этого объединения Армен Аветисян в беседе с корреспондентом газеты «Асавалдасавали» прямо заявил: «Джавахи был нашим, сейчас он ваш, отдадите вы его нам мирным путем? Если так, то хорошо, а если нет – война неизбежна! Джавахи исконная армянская земля и должна быть возвращена Армении, насчет остального договоримся... Если придется воевать, будем воевать, чтобы вернуть себе родину...» [5]. А. Аветисян не сомневается, что война закончится победой Армении, его мало волнует, что она принесет большое несчастье обоим народам.

В перечисленных трудах горе-исследователей проводятся и «доказываются» предположения о принадлежности Джавахети Армении, в связи с чем необходимо, якобы, присвоить этому региону статус автономии для защиты национальных интересов живущего здесь армянского населения. Эту мысль, к примеру, высказывает в беседе с корреспондентом газеты «Асавалдасавали» Спартак Сейранян [6].

Как только в Грузии возникают проблемы во внутренних или внешних взаимоотношениях, в Джавахети тотчас активизируются антигрузинские силы, находящиеся в тесном контакте с правящими кругами Армении. Правительство Армении не раз заявляло, что перед сегодняшними властями Армении не стоит вопрос Джавахети применительно к территориальному единству Грузии и что они никак не влияют на происходящие здесь события. Да, сегодня такой вопрос не стоит, но между строк этих заявлений отчетливо читается, что завтра он может встать и решаться будет по карабахскому сценарию. Правящие круги Армении свои надежды на приобретение новых территорий и создание «Великой Армении» связывают с Россией. Россия же, со своей стороны, старается укрепить и усилить своего геополитического

союзника Армении и тем самым сохранить для себя определенную опору в Закавказье. Здесь она все более жестко противостоит Грузии, о чем свидетельствуют события, происходящие в последнее время в России. Однако такая политика ни Армении, ни ее покровителю - России, успеха не принесет. Вероятно, для Армении наилучшим выходом было бы решать вопрос путем добрососедского и конструктивного диалога и переговоров.

В связи с этим большинство политиков, ученых и политологов считают, что если руководители Армении будут продолжать попытки создания разными путями государства «Большая Армения», то шансы их осуществления будут примерно такими же, как шансы провозглашения Санкт-Петербурга столицей этого государства.

Литература:

1. Мархулия, Гурам. Армяно-грузинские взаимоотношения в 1918-1920 годах. – Тбилиси: Тбилисский государственный университет, 2007. – 258 с.
2. Алиев, Намик. Политико-правовые последствия Пятидневной войны. – Кишинэу: Метромпаш, 2015. – 256 с.
3. Makili-Aliyev, Kamal. Nagorno-Karabakh Conflict in International Legal Documents and International Law. – Baku: Fall, 2013. – 136 p.
4. Мамулов, С.С. Удивительный народ из страны Цхудес. - Москва, 1993 (Термин «удивительный народ» принадлежит С.Мамулову. В указанной книге, например, есть такая глава: «По преданию, Адам и Ной разговаривали по-армянски»)
5. Асавал-дасавали, 2006, 4-10 сентября, №36 (626)
6. Асавал-дасавали, 2006, 25 сентября – 1 октября, №39 (626)

Ключевые слова: Южный Кавказ, Республика Армения, Азербайджанская Демократическая Республика, Демократическая Республика Грузия, армяно-грузинские взаимоотношения в 1918-1920 годах, независимость, территориальные претензии, Иреван, «Дашнакцутюн», «АСАЛА», «Армяно-арийский орден», Джавахети, Российская империя

Валериян ДОЛИДЗЕ,
доктор философии,
Тбилисский государственный университет им.
И. Джавахишвили (Грузия)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПЕЦИФИКА АРТИКУЛЯЦИИ И АГРЕГАЦИИ ИНТЕРЕСОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ ГРУЗИИ И МОЛДОВЫ

Распад Советского Союза выявил существенные различия политических культур бывших советских республик. Политическая культура является частью политической системы, которая изменяется медленнее по сравнению с другими компонентами системы. Если изменения институционального дизайна власти легко подчиняется воле политической элиты, культура является сравнительно стабильным компонентом системы. Когда политическая культура не соответствует институциональному дизайну политической системы, демократия принимает формальный характер. Но это не значит, что политические институты не влияют на политическую культуру. Они формируют такую политическую практику и идеологическую ситуацию, которые направлены на элиминацию недемократических элементов культуры. Такая особенность взаимодействия между политической культурой и политическими институтами ясно проявляется в процессе демократизации. Компоненты демократической системы не вызревают одновременно.

Значение политической культуры для становления демократии определяется ее влиянием на поведенческую структуру политической системы. Поэтому она является фундаментом укрепления демократических институтов и консолидации демократии. Именно поэтому успех демократии на постсоветском пространстве зависит от укрепления демократической политической культуры. Этим определяется значение изучения политических культур для понимания процессов формирования политических режимов и систем в бывших советских республиках. Как показывает сравнение политических культур Грузии и Молдовы, несмотря на общее коммунистическое прошлое, их политические культуры существенно отличаются друг от друга. Причинами этого являются специфика существования этих республик в

условиях СССР, особенности их вхождения в состав Советского Союза и история досоветского периода Молдовы и Грузии.

1. Особенности политических культур Грузии и Молдовы

Одной из особенностей молдавской политической культуры является сильное влияние коммунистического прошлого, что во многом определяет нигилистическое отношение электората к частной собственности и бизнесу. Поэтому, как отмечает Боцан, в Молдове не одна из партий, которые ориентировалась на проблемы частной собственности, защиты малого бизнеса и т. д., не смогли добиться существенных результатов при парламентских выборах. Несмотря на то, что проблемы бизнеса затрагивались в программах партий, они имели второстепенное значение [1]. Победа компартии Молдовы и ее нахождение у власти девять лет, ослабление электората этой партии в результате изменений своих политических ориентиров и ее отдаления от коммунистического прошлого, показывают, как глубоко отличается молдавская политическая культура от грузинской. В отличие от Молдовы, проблемы бизнеса занимали и занимают центральное место в программах грузинских политических партий, что отражает большое преобладание частнособственнических настроений в политической культуре Грузии. Об особенностях политических культур этих двух стран можно судить также по распространению антиолигархических настроений. Молдавская политическая культура особенно остро воспринимает олигархическое правление. Попытка назначения одного из богатейших людей Молдовы на пост премьер-министра обернулась массовыми акциями протеста, в результате чего президент вынужден был изменить свое решение. В отличие от жителей Молдовы, грузины более толерантны к «олигархам». Один из них Бадри Патаркацишвили был

организатором массовых акций, которые были направлены против скатывающегося к диктатуре правления тогдашнего президента Михаила Саакашвили, а другой «олигарх» Бидзина Иванишвили, лидер блока «Грузинская мечта», которого поддерживало большинство населения Грузии, на парламентских выборах 2012 года победил партию президента Саакашвили «Единое национальное движение» и стал премьер-министром Грузии.

Другая отличительная черта молдавской политической культуры – это неоднозначное отношение к национальному государству, что выражается в существовании «румынизма» и «молдованизма». Представители «румынизма» поддерживают идею присоединения Молдовы к Румынии, тогда как приверженцы «молдованизма» выступают за независимость Молдовы. Специфику внешнеполитического сознания молдавского общества выражает противоречие между пророссийской и проевропейской геополитическими ориентациями, что также является отражением политической культуры этой страны.

Если молдавскую политическую культуру отличает противоречивый характер, грузинская культура более гомогенна. Она основывается на грузинском национализме, где независимое Грузинское государство является основополагающим фактором его существования, которое своими корнями глубоко связано с национальной идентичностью и национальной гордостью.

Молдову можно отнести к тем группам посткоммунистических стран, в которых социалистическое и коммунистическое прошлое особенно сильно влияет на формирование современной политической культуры. По нашему мнению, в эту группу, кроме Молдовы, входят также Россия, Украина, Беларусь. Чем можно объяснить сильное влияние прошлого на политические культуры этих стран? Объяснительным переменным этого явления можно считать степень деинституционализации реального социализма. В этих странах она была слабее, чем в других республиках бывшего СССР. О масштабах деинституционализации социализма можно судить по силе распространения теневой экономики (второй экономики), которая имела не только экономическое, но также и политическое, идеологическое и культурное значение. Поэтому величину теневой экономики можно использовать для измерения степени деинституционализации реального социализма. Теневая экономика в бывшем СССР была неравномерно распространена по союзным республикам. По оценке Г. Гроссмана, в конце 70-ых годов доля доходов от второй экономики составляла 30% всех доходов горожан в масштабах СССР. Наименее она была распространена в РСФСР, где эта цифра приближалась к среднему значению

по стране, в Белоруссии, Молдове и Украине этот показатель составляла 40 процентов. На Южном Кавказе и Средней Азии почти 50%. В Республике Армения среди этнических армян - 65 % [2]. Наблюдается совпадение между распространением теневой экономики в советское время и влиянием коммунистического прошлого на современную политику посткоммунистических стран: чем сильнее распространена теневая экономика, тем слабее влияние коммунистического прошлого на современное политическое развитие страны. Например, в РСФСР, где теневая экономика была значительно слабее, чем в других союзных республиках, коммунистическое наследие сильнее по сравнению со всеми другими постсоветскими республиками. В Украине, Белоруси и Молдове теневая экономика была сильнее, чем в России, но слабее по сравнению с другими союзными республиками. В соответствие с этим, в этих странах коммунистическое прошлое слабее влияет на современное политическое развитие, чем в России, но такое влияние значительно сильнее по сравнению с другими постсоветскими республиками. Например, влияние коммунизма в Молдове сильнее, чем в Грузии. Этому свидетельствует не только нахождение компартии Молдовы у руля государства на протяжении 9 лет, но также и социологические опросы населения. Например, проведенный молдавскими социологами в 2014 году опрос населения показал сильное влияние коммунистических традиций в Молдове. Например, по мнению 74,9 % опрошенных, очень хорошо если бы правительство предоставило рабочие места нуждающимся в них; 73,2 % - очень хорошо было бы иметь сильного руководителя, не подтвержденного влиянию парламента и выборов; по мнению 65,7 % очень хорошо было бы если бы государство установило цены на продовольственные товары, а 50,3 % - очень хорошо если бы государство ограничивало доходы богатых [3].

Несмотря на то, что в Грузии тоже усиливается ностальгия по советским временам, она значительно слабее, чем в Молдове, и это, несмотря на то, что Грузия находилась в составе СССР 70 лет, а Молдова - всего 51 год.

2. Специфика артикуляции и агрегации интересов в политических системах Грузии и Молдовы

Общественные базы артикуляции и агрегации интересов в Молдове и Грузии существенно различаются друг от друга. Молдова характеризуется кливиджами, расщеплением общества, что затрудняет агрегацию интересов, так как в этих условиях реализация одного интереса происходит за счет других интересов. В Молдове эти кливиджи находятся на разных уровнях развития. Наиболее развитым является кливидж « молдованизм и

румынизм». Все его составные части – эмпирический, идеологический и организационный – ясно артикулированы. Его эмпирический компонент представлен существованием достаточного, общественно значимого количества двух групп людей, которые осознают себя соответственно румынами и молдаванами. Идеологический компонент этого кливиджа составляют две группы аргументаций, которые лежат в основе раздвоения национальной идентичности на румын и молдаван, а также легитимации присоединения к Румынии или же существования Молдовы как независимого государства. Организационный компонент данного кливиджа представлен наличием двух групп политических и общественных организаций, которые соответственно поддерживают независимость Молдовы или же ее присоединение к Румынии. Нужно отметить, что молдованизм сильнее румынизма. Расщепление общества на основе национальной идентичности делает невозможным достижение консенсуса в процессе агрегации – реализация интересов румынизма возможно только за счет молдованизма, а осуществление интересов молдованизма требует жертвовать интересами румынизма.

В отличие от кливиджа «румынизм-молдованизм», социально – экономический кливидж (богатые-бедные) находится в процессе формирования, о чем свидетельствует разный уровень развития его составных частей. Его эмпирический компонент достаточно развит – молдавское общество разделено на отдельные группы, которые различаются по социально-экономическим характеристикам и богатством. Но идеологический компонент этого кливиджа размыт: разные социально-экономические группы не осознают себя отдельными группами общества, которые имеют отличные от других специфические интересы. Отсутствует социально-классовая идентичность, осознание группой своей коллективной особенности на основе осмысления своих специфических социально-экономических качеств. Организационный компонент более развит по сравнению с идеологическим. Свидетельством этого является наличие сильной левоцентристской партии – социалистической, которая имеет собственный электорат. Несмотря на это, молдавские партии не выступают явно как представители определенной части населения, не расчлняют общество. Как отмечают молдавские социологи, даже социалисты и коммунисты не развивают групповое или классовое сознание.

Особенностью политической сцены Молдовы является также противоречие между проевропейским и пророссийским векторами развития. Его условно можно назвать геополитическим кливиджем. Он является наиболее значительным фактором формирования специфики

политического развития Молдовы, у которого есть два значительных компонента кливиджа: 1) эмпирический – разделение населения по геополитическим ориентациям на две группы – пророссийскую и прозападную; 2) организационный элемент – политические партии мейнстрима, которые придерживаются одной из этих двух геополитических ориентации. Но у него отсутствует третий наиболее существенный элемент кливиджа – идеологический: осознание себя отдельной группой населения общества, которая имеет свои особенные интересы.

Кливидж разделяет как социальную ткань, так и общественное сознание и политическую сферу. В отличие от этого различные геополитические ориентации в Молдове не расщепляют общество так глубоко. Они создают различные геополитические идентичности, которые расщепляют только политическую сцену. Но, несмотря на это, эти ориентации, видимо, связаны с кливиджами. Например, румынизм подразумевает также и проевропейскую ориентацию.

Глубокое противоречие между разными геополитическими ориентациями, которые принимают многие черты кливиджа, затрудняют агрегацию интересов на основе консенсуса.

Можно заключить, что молдавское общество, как основа артикуляции и агрегации интересов, имеет дискретный характер. Это делает агрегацию и артикуляцию интересов конфликтными и осложняет достижение консенсуса.

В отличие от Молдовы, в Грузии общественный контекст политического процесса является более однородным. В начале истории посткоммунизма эта особенность сыграла существенную роль в блокировании демократизации в этой стране. Она создала социальную базу для установления авторитарного режима Гамсахурдиа. Но в процессе отдаления от коммунизма гомогенная база политического процесса в Грузии начинает дифференцироваться. На этой основе зарождается процесс расщепления общества на разные составные части. Это особенно сильно проявляется в развитии рабочего и забастовочного движения в Грузии, входе которого бастующие рабочие выдвигают специфические требования, в которых отражаются особенности их жизни. Несмотря на это, нельзя говорить о существовании кливиджа в грузинском обществе: в отличие от Молдовы здесь не существует раздвоение национальной идентичности, разные большие социальные группы не осознают свою особенную идентичность, они не имеют собственные специфические массовые политические организации и т. д. Однако при этом, в Грузии начинает развиваться процесс расщепления общества на основе

социально-экономических различий: развивается эмпирический компонент социально-экономического кливиджа, что проявляется в забастовочном движении нового рабочего класса Грузии.

Заключение

Грузия и Молдова долгое время развивались в составе СССР, но по силе влияние советского прошлого на политическую культуру они существенно отличаются друг от друга. В молдовской культуре сильнее влияние

советского прошлого, чем в грузинской. Дискретный характер общественной основы артикуляции интересов в Молдове определяется особенностями политической культуры этой страны. Ее характеризует глубокая внутренняя противоречивость, что затрудняет агрегацию политических интересов. Грузинская политическая культура и общественная основа артикуляции и агрегации интересов более гомогенна.

Литература:

1. Боцан, Игорь. Партии и демократия Республики Молдова. - <http://www.e-democracy.md/ru/monitoring/politics/comments/20081203>. 03.12. 2008.
2. Котосонов, В.Ю. COMMUNITARIAN.RU/PUBLIKACII/ISTORIYA_ROSSII/TENEVAYA_EKONOMIKA_V_SSSR_04022014/
3. Штирбу, Еуджениу. Развитие демократических процессов в Республике Молдова. В сб.: Процессы демократизации в Республике Молдова: реалии, тенденции, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции, 20 мая 2014 года. - (iimdd.md/wp-content/upholds/2014/07/Материалы-конференции-20мая-2014.pdf стр.22)
4. Идеология, партии и политическая культура. 19 сентября 2011. MOLDOVENII (moldovenii.md/ru/section/602)
5. Жук, Виктор. Демократизация политической системы в Республике Молдова в контексте оценки европейских перспектив. В сб.: Процессы демократизации в Республике Молдова: реалии, тенденции, перспективы. Материалы международной научно - практической конференции, 20 Мая 2014 года. - (iimdd.md/wp-content/upholds/2014/07/Материалы-конференции-20мая-2014.pdf)
6. Блажко, Владимир. Влияние политической стратификации на избирательные кампании Республики Молдова. В сб.: Процессы демократизации в Республике Молдова: реалии, тенденции, перспективы. Материалы международной научно - практической конференции 20 Мая 2014 года. - (iimdd.md/wp-content/upholds/2014/07/Материалы-конференции-20мая-2014.pdf)
7. Мокану, Виктор; Мокану, Ион. Текущие тенденции политического расслоения в Республике Молдова. В сб.: Процессы демократизации в Республике Молдова: реалии, тенденции, перспективы. Материалы международной научно- практической конференции 20 Мая 2014 года(iimdd.md/wp-content/upholds/2014/07/Материалы-конференции-20мая-2014.pdf)
8. Закон Республики Молдова от 21 декабря 2007 года №294 –XVI
9. Органический Закон Грузии о Политических объединениях граждан. - [http. matsne.gov.ge /ru/document /download/ 28324/15/ru/pdf](http://matsne.gov.ge/ru/document/download/28324/15/ru/pdf)

**Valerian Dolidze (Georgia),
PhD**

Political Culture and Specificities of Articulation and Aggregation of Interests in Political Systems of Georgia and Moldova

Summary

Despite the fact that they have long developed together in the USSR, political cultures of Georgia and Moldova are very different from each other. Influence of soviet past on the political culture of Moldova is stronger than on the Georgian . Specificities of political culture of Moldova determines discrete character of social base of articulation of interests in the political system of this republic and problems of aggregation of interests. Georgian political culture is more homogeneous. Because of this aggregation and articulation of interests in the political system of Georgia is less controversial.

Порядок публикации и требования к оформлению статей научного журнала «Право и политология»

Для опубликования статьи в журнале необходимо предоставить в редакцию журнала публикуемые материалы в электронном виде в единичном экземпляре на любом из перечисленных носителей (CD-ROM, DVD-ROM, флэш-носитель) и на бумажном носителе в двух экземплярах. Публикации в журнале подлежат только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Объем публикуемых материалов не должен превышать, как правило, 20 страниц (14 шрифт, 1,5 интервала) и 500 Кб.

Публикуемые в журнале статьи состоят из следующих элементов:

- сведения об авторе (соавторах), включающие в себя: Ф.И.О. автора (соавторов), ученая степень автора (соавторов), место работы или учебы автора (соавторов), должность автора (соавторов);
- основной материал (текст) статьи;
- краткая аннотация статьи (500-580 зн.), дающая общую характеристику работе (на русском и английском языках);
- перечень 15-ти ключевых слов к статье;
- фотография автора размером 4х6 см в электронной версии;
- электронный адрес и телефон автора (соавторов).

Оформление сносок сквозное: в тексте указывается номер и страница научного источника (в квадратных скобках). Список литературы публикуется в конце, в порядке цитирования, согласно нижеуказанному примеру:

1. Алиев, Н. Г. Проблемы военного права Азербайджана. – Баку: Азернешр, 1999, с. 35.
2. Алмонд, Г. А., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии. – Полис, 1992, № 4, с. 122-134.
3. Об утверждении Стратегии социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями (2010-2013 гг.). Закон Республики Молдова № 169 от 9 июля 2010 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010, 12 октября, № 200-201, ст. 660.
4. Речь Президента Ильхама Алиева на политическом брифинге на тему «Европейский Союз и Азербайджан – новые способы сотрудничества», состоявшемся 19 мая 2004 года. – Азербайджан, 2004, 22 мая.
5. Mehdiyev, R. Goris-2010. Season of the theatre of the absurd. – Tbilisi: Universal, 2010. – 185 p.
6. Осакская декларация по развитию туризма. – www.world-tourism.org.
7. В электронных источниках является обязательным указание даты доступа (обращения). Израиль ведет кибервойну против Ирана? – http://aze.az/news_izrail_vedet_kibervoynu_57001.html (29.04.2011 16:08).

Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование. В качестве рецензента должен выступать как минимум один специалист, имеющий степень доктора наук по специальности данной публикации. Содержание рецензии должно подтверждать, что данная статья содержит новые интересные материалы и заслуживает публикации. Решение о публикации статьи в журнале принимается сопредседателями редколлегии журнала.